

ЭЛИЗАБЕТ
ГИЛБЕРТ

Крепкие мужчины

от автора бестселлера

ЕСТЬ *малиться* ЛЮБИТЬ

Есть, молиться, любить

Элизабет Гилберт
Крепкие мужчины

«РИПОЛ Классик»

2000

Гилберт Э.

Крепкие мужчины / Э. Гилберт — «РИПОЛ Классик»,
2000 — (Есть, молиться, любить)

ISBN 978-5-386-03830-4

Восемнадцатилетняя Рут Томас вернулась из частной школы домой – на один из двух затерянных в море островов, жители которого десятилетиями ведут войну за омаровый промысел. Родные настаивали на том, чтобы она продолжила учебу в колледже и переехала на материк, но упрямая девушка всегда мечтала жить у моря в деревне и заниматься рыбной ловлей, как ее предки. К тому же она влюблена в парня с вражеского острова. Им не на что надеяться, ведь о перемирии между островами и речи быть не может, но Рут решает взять все в свои руки... Остроумный и увлекательный роман о том, чему мудрые женщины могут научить крепких мужчин.

ISBN 978-5-386-03830-4

© Гилберт Э., 2000
© РИПОЛ Классик, 2000

Содержание

Пролог	5
1	13
2	32
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Элизабет Гилберт

Крепкие мужчины

Майклу Куперу – с благодарностью за хладнокровие

В аквариуме Вудс-Холла летом тысяча восемьсот девяносто второго года одностворчатого моллюска поместили в один резервуар с самкой омара. Самка имела длину около десяти дюймов и содержалась в неволе около восьми недель. Несколько дней омар не проявлял никакого интереса к моллюску, но наконец, движимый голодом, все же напал на него, разломал раковину на куски и быстро съел нежную мякоть.

"Американский омар: изучение его повадок и развития", Френсис Хобарт Херрик, д-р философии, 1895

Пролог

В двадцати милях от побережья штата Мэн друг на дружку смотрят острова Форт-Найлз и Корн-Хейвен. Они похожи на двух стариков, пытающихся переглядеть друг друга, и каждый уверен, что другой без него пропадет. Рядом с этими островами ничего нет. Они находятся посреди пустоты. Скалистые, по форме напоминающие огромные картофелины, они образуют маленький архипелаг. Обнаружить на карте эти острова все равно что совершить «открытие» – обнаружить города-близнецы посреди прерии, поселки-близнецы в пустыне, две совершенно одинаковые юрты в тундре. Изолированные от всего мира, острова Форт-Найлз и Корн-Хейвен разделены между собой лишь узкой полоской с бурным течением – это водное пространство именуется проливом Уорти. Пролив Уорти, имеющий ширину около мили, местами настолько мелок, что если вы соображаете, что делаете (если вы *на самом деле* соображаете, что делаете), то вы, пожалуй, хорошенько подумаете, прежде чем решитесь переплыть этот пролив даже на каноэ.

С точки зрения географии острова Форт-Найлз и Корн-Хейвен так поразительно похожи, что невольно думаешь: их создатель был или великим глупцом, или великим юмористом. Один остров представляет собой почти точную копию другого. Острова – последние вершины некогда древнего, погрузившегося в океан горного хребта – это слой одного и того же высококачественного гранита, залежи которого открываются в зарослях роскошных елей. Протяженность каждого из островов примерно четыре мили в длину и две – в ширину. Оба имеют по несколько небольших заливов и маленьких пресноводных озер, а также россыпь скалистых бухточек, один песчаный пляж, один высокий холм и одну глубокую гавань, которая спрятана на дальнем (от материка) берегу, словно мешок с золотом.

На том и на другом острове есть церковь и школа. Поблизости от гавани проходит главная улица с горсткой общественных заведений – почтой, бакалейной лавкой и ресторанчиком. Ни на том, ни на другом острове нет шоссежных дорог. Дома на островах очень похожи друг на друга, а в гавани стоят почти одинаковые лодки. Оба острова находятся в зоне довольно забавного климата. Зимой здесь теплее, а летом прохладнее, чем в любом из городов на побережье материка. Довольно часто острова окутывает густой призрачный туман. На обоих островах можно встретить одни и те же разновидности папоротников, орхидей, грибов и шиповника. И наконец, на этих островах живут одни и те же виды птиц, лягушек, крыс, лис, змей и людей.

Первые следы обитания человека на островах Форт-Найлз и Корн-Хейвен оставили индейцы племени пенобскот. Они обнаружили здесь потрясающие запасы яиц морских птиц. В некоторых бухточках до сих пор можно найти древние каменные орудия этих первопосе-

ленцев. В такой дали, посреди моря, пенобскоты задержались ненадолго. Острова служили им временными базами для рыболовства, а в семнадцатом веке удобство островов с этой точки зрения по достоинству оценили французы.

Первыми постоянными обитателями Форт-Найлза и Корн-Хейвена стали двое братьев-голландцев – Андреас и Уолтер ван Хейвель. В тысяча семьсот втором году они привезли на острова своих жен и детей и заявили о правах на эти земли – мужчины по острову на семью. Свои поселения они называли «Вифлеемом» и «Ханааном». Фундамент дома Уолтера ван Хейвеля сохранился до сих пор – груда камней, поросших мхом, посреди луга на острове, некогда носившем название «Ханаан». На самом деле, именно на этом месте Уолтер погиб от руки своего брата ровно через год после того, как они поселились на островах. В тот день Андреас убил и детей своего брата, а его жену увез на остров Вифлеем, чтобы она жила с его семьей. Говорят, Андреас был в полном отчаянии из-за того, что его жена не слишком быстро рожала ему детей. А ему хотелось иметь потомство побольше, вот он и взял себе единственную женщину на много миль в округе. Несколько месяцев спустя Андреас ван Хейвель сломал ногу, занимаясь постройкой амбара, и умер от заражения крови. Женщин и детей в скором времени после этого спас проходящий неподалеку от острова британский патрульный корабль. Британцы отвезли их в форт Пемаквид.¹ Обе женщины в то время были беременны. Одна родила здорового сына и назвала его Найлзом. Ребенок второй женщины умер при родах, но жизнь матери спас Тадеус Корн, английский врач. Как-то уж так получилось, что эти события дали новые названия островам – Форт-Найлз и Корн-Хейвен. Но на этих чудесных островах никто не селился еще пятьдесят лет.

А потом нагрянули шотландцы и ирландцы и задержались здесь. Некий Арчибальд Бойд с женой, сестрами и мужьями сестер в тысяча семьсот пятьдесят восьмом году поселился на острове Корн-Хейвен. На протяжении следующего десятка лет к ним присоединились Коббсы, Поммерои и Стрэченсы. Дункан Уишнелл со своим семейством в тысяча семьсот шестьдесят первом году основал на острове Форт-Найлз овечью ферму, и вскоре у него появились соседи по фамилии Дальглиш, Томас, Адамс, Лайфорд, Кардоуэй и О’Доннел, а также кое-кто из Коббсов, перебравшихся сюда с Корн-Хейвена. Девушки с одного острова стали выходить замуж за парней с другого. Фамилии начали переплывать с Форт-Найлза на Корн-Хейвен и обратно, словно поплавки, сорвавшиеся с якорей. К середине восемнадцатого века появились и новые фамилии вместе с новыми поселенцами – Френд, Кэшн, Йейл и Корден.

У этих людей были общие предки. К тому же численность населения островов была невелика, и совсем неудивительно, что со временем островитяне начали все больше и больше походить друг на друга внешне. Близкородственные браки считались преступлением. И все же Форт-Найлзу и Корн-Хейвену каким-то образом удалось избежать участи острова Малага, где жители настолько перемешались между собой, что в конце концов пришлось вмешаться государству и всех с острова эвакуировать. Но как бы то ни было, родовые линии на Корн-Хейвене и Форт-Найлзе стали очень непрочными. Со временем у жителей обоих островов развилось типичное телосложение (средний рост, мускулистость, широкие плечи) и внешность (бледная кожа, темные брови, маленький подбородок). Через несколько поколений можно было сказать, что каждый мужчина смахивает на своего соседа, а в каждой женщине с первого взгляда можно было признать ее предков.

Все они были рыбаками и фермерами, пресвитерианцами и конгрегационалистами, в политике – консерваторами. Во времена Революционной войны² все стали патриотами колоний, а во времена войны Гражданской посылали парней в синих шерстяных мундирах воевать за Союз в далекую Виргинию. Островитяне не любили, чтобы ими кто-то управлял. Они тер-

¹ Ныне Бристоль, штат Мэн. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Революционная война – другое название Войны за независимость (1775–1783).

петь не могли платить налоги. Они не доверяли разным экспертам, их не интересовало ни мнение, ни внешность незнакомцев. За годы оба острова по разным причинам и обстоятельствам включались в состав ряда материковых округов. Эти политические слияния ни разу не заканчивались добром. В итоге всегда получалось хуже для островитян, к тысяча девятисотому году Корн-Хейвену и Форт-Найлзу позволили образовывать независимый, самоуправляемый район. Объединившись, они образовали крошечный округ Скиллет. Но и это территориальное формирование продержалось недолго. В конце концов, острова разделились. Похоже, на том и на другом острове люди чувствовали себя спокойнее, безопаснее и независимее в гордом одиночестве.

Население островов продолжало расти. К концу девятнадцатого века произошла насильственная экспансия, сопряженная с началом разработок залежей гранита. Молодой промышленник из Нью-Гемпшира, доктор Жюль Эллис, развернул на обоих островах деятельность своей компании «Эллис-гранит» и вскоре сколотил состояние на добыче и продаже полированного черного камня.

В тысяча восемьсот восемьдесят девятом году население Корн-Хейвена достигло рекордной цифры – шестьсот восемнадцать человек. В это число входили шведские иммигранты, нанятые компанией «Эллис-гранит» для тяжелой поденной работы. Часть гранита на Корн-Хейвене была такой грубой и шершавой, что годилась только на изготовление надгробных камней, и с этой работой легко справлялись простые рабочие вроде шведов. В том же году на Форт-Найлзе насчитывалось шестьсот двадцать семь душ, включая иммигрантов из Италии, нанятых в качестве искусных каменотесов. На Форт-Найлзе имелись залежи высококачественного гранита, годящегося для изготовления склепов, а такой гранит обрабатывать умели только итальянцы. Работы на гранитном производстве для местных жителей почти не было. Компания «Эллис-гранит» предпочитала нанимать иммигрантов. Им и платить можно было поменьше, и управлять ими было легче. Приезжие рабочие и коренные островитяне общались мало. И все же на Корн-Хейвене несколько местных рыбаков женились на шведках, и население этого острова пополнилось блондинами. А на Форт-Найлзе так и преобладали темноволосые люди с большой примесью шотландской крови. Никто из жительниц Форт-Найлза не выходил замуж за итальянцев. Это считалось неприемлемым.

Шли годы. Рыбу стали ловить иначе. С крючков перешли на сети, с трески на хека. Лодки стали больше. Фермы захирели. На Корн-Хейвене возвели здание муниципалитета. На Форт-Найлзе через речку Мердер-Крик перебросили мост. В тысяча восемьсот девяносто пятом году по дну моря проложили кабель, и на островах появились телефоны, а к тысяча девятьсот пятнадцатому в некоторых домах уже было электричество. Гранитное производство сократилось, а потом и вовсе остановилось в связи с применением бетона. Население уменьшилось так же быстро, как до того выросло. Молодежь покидала острова в поисках работы в больших городах, на крупных заводах. При переписи населения начали исчезать старинные фамилии. Последний из Бойдов умер на Корн-Хейвене в тысяча девятьсот четвертом. После тысяча девятьсот десятилетия на Форт-Найлзе не осталось ни одного О’Доннела. В двадцатом веке с каждым десятилетием фамилий на обоих островах становилось все меньше и меньше. Некогда эти острова были малонаселенными и снова стали такими.

Что было необходимо обоим островам (необходимо всегда) – так это приток свежей крови и ее циркуляция между Корн-Хейвенем и Форт-Найлзом. Обитатели этих островов жили в такой дали от остальных сограждан, они были близки по темпераменту, по родословной, имели общую историю и, по идее, должны были бы стать добрыми соседями. Они нуждались друг в друге. Им следовало друг другу помогать. Они должны были бы делиться тем, что имеют, и тем, что их огорчает. Любое сотрудничество было бы на пользу и тем, и другим. И возможно, из них все-таки получились бы хорошие соседи. Возможно, их судьба сложилась бы иначе, и между ними не было бы ссор. Правду сказать, первые лет двести между островитя-

нами царил мир. Наверное, если бы обитатели Корн-Хейвена и Форт-Найлза оставались простыми фермерами и рыбаками, из них получились бы превосходные соседи. Но как все могло бы сложиться, нам угадать не дано, потому что со временем они стали ловцами омаров. Вот тут-то и пришел конец добрососедским отношениям.

Омары не признают границ и, ясное дело, их охотникам тоже приходится границ не признавать. Ловцы омаров ищут их везде, куда ни занесет этих морских раков, то есть охотятся за своей добычей по всему морскому мелководью и вдоль побережья. Это значит, что идет постоянная конкуренция за районы лова. Ловцы омаров мешают друг другу, они спутывают веревки, к которым привязаны чужие ловушки, они шпионят за чужими лодками, воруют друг у друга полезные сведения, сражаются за каждый кубический ярд моря. Каждый омар, пойманный одним ловцом, – это тот омар, которого другой ловец упустил. Ловля омаров – суровое и грубое дело для суровых и грубых людей. Но все мы люди, и каждого из нас творит то, чем он занимается. Молочное животноводство делает людей уравновешенными, надежными и сдержанными. Охота на оленей делает людей молчаливыми, развивает быстроту реакции и чувствительность. Ловля омаров делает людей подозрительными, хитрыми и жестокими.

Первая омаровая война между Форт-Найлзом и Корн-Хейвеном разразилась в тысяча девятьсот втором году. Другие острова, расположенные в заливах вдоль побережья штата Мэн, тоже воевали из-за омаров, но все эти войны происходили позже. В тысяча девятьсот втором году ловля омаров еще не достигла промышленных масштабов; омар в то время еще не был редким деликатесом. В тысяча девятьсот втором году омаров было как грязи, они не стоили ни гроша и вызывали у людей только раздражение. После сильных штормов сотни и тысячи этих морских раков выбрасывало на берег, и приходилось собирать их вилами и увозить на тачках. Был принят закон, воспрецавший богатым хозяевам кормить своих слуг омарами чаще трех раз в неделю. В то время ловлей омаров островитяне занимались исключительно для получения дополнительного дохода плюс к тому, что им давало фермерство и морское рыболовство. На ту пору жители Корн-Хейвена и Форт-Найлза промышляли омаров всего-то лет тридцать, а на ловлю отправлялись в сюртуках и галстуках. Словом, дело это было новое, поэтому даже удивительно, что кто-то сумел так вложиться в промысел омаров, чтобы начать из-за него войну. Однако именно это и произошло в тысяча девятьсот втором году.

Первая омаровая война между Форт-Найлзом и Корн-Хейвеном началась со знаменитого необдуманного письма, написанного мистером Валентином Адамсом. К тысяча девятьсот второму году Адамсы жили на обоих островах; Валентин Адамс был с острова Форт-Найлз. Его знали как человека довольно неглупого, но жутко упрямого, и, возможно, он был самую малость не в своем уме. Письмо, о котором идет речь, Валентин Адамс написал весной тысяча девятьсот второго года. Оно было адресовано в Бостон, председателю второй международной конференции по рыболовству – весьма престижного мероприятия, на которое Адамса не пригласили. Аккуратно переписанные копии этого письма он разослал в несколько главных газет, посвященных рыбной ловле и выходивших на Восточном побережье. Также он отправил копию письма почтовым катером на остров Корн-Хейвен.

Валентин написал:

«Господа!

Чувство долга обязывает меня с прискорбием сообщить о возмутительном преступлении, совершаемом коварными членами из ряда наших местных ловцов омаров. Я наименовал это преступление „накоплением омаров-недоростков“. Я имею в виду род деятельности, выражающейся в том, что некоторые бесчестные ловцы омаров под покровом ночи тайком вытаскивают ловушки-горшки, поставленные добропорядочными ловцами, и подменяют крупных омаров менее ценными недоростками. Представьте себе ужас добропорядочного добытчика омаров, который при свете дня

вытаскивает со дна поставленные им горшки-ловушки и обнаруживает в них исключительно никчемных омаров-недоростков! Я лично не раз становился жертвой подобного преступного поведения *своих соседей* с расположенного поблизости острова Корн-Хейвен! Пожалуйста, поставьте в известность возглавляемую вами комиссию об этой преступной практике и рассмотрите вопрос о задержании и наказании этих корн-хейвенских разбойников (чьи имена я перечисляю для ваших агентов).

Остаюсь вашим благодарным осведомителем,
Валентин Адамс».

Весной тысяча девятьсот третьего года Валентин Адамс написал письмо на третью международную конференцию по рыболовству, которая снова проводилась в Бостоне. На эту конференцию, еще более многочисленную, чем годом раньше, прибыли важные люди из канадских провинций, а также из Шотландии, Норвегии и Уэльса. Адамса опять не пригласили. Да и с какой стати его было приглашать? Что делать простому рыбаку вроде него на таком представительном форуме? На конференцию съезжались эксперты и законодатели, и там было не место для рассмотрения местных заварушек. С какой бы стати туда пригласили Валентина Адамса, когда там собрались важные шишки из Уэльса и Канады, а также все преуспевающие оптовые рыбороторговцы из Массачусетса, а также все знаменитые сотрудники рыбоохранной службы? Но, как бы то ни было, Валентин Адамс написал:

«Джентльмены!

Со всем моим уважением, господа, прошу вас передать вашим коллегам следующее: беременная самка омара носит на своем брюшке от двадцати пяти до восьмидесяти тысяч икринок, которые рыбаки именуют „ягодками“. В качестве продукта питания некогда эти соленые икринки-„ягодки“ добавляли в супы. Вы наверняка помните, что поедание этого пищевого продукта было официально запрещено несколько лет назад и ловля икраных самок омара была объявлена противозаконной. Это разумно, господа! Это было сделано ради важной цели – ради решения проблемы омаров вдоль Восточного побережья и сохранения их поголовья. Джентльмены! В настоящее время вы наверняка уже слышали о том, что некоторые наглые ловцы омаров уклоняются от исполнения закона, соскребая ценные икринки с брюшка самок омаров. А добропорядочным добытчикам омаров следует всегда заботиться об увеличении их поголовья, ибо от одного увеличения напрямую зависит их выгода!

Джентльмены! Будучи выброшенными в море, эти икринки не превращаются во взрослых омаров. Нет, они становятся закуской (в количестве от двадцати пяти до восьмидесяти тысяч) для голодных косяков трески и палтуса. Джентльмены! Взгляните на набитые утробы этих ненасытных рыб и подсчитайте, сколько омаров исчезает у наших берегов! Взгляните на этих беззастенчивых соскребателей икры! Это они повинны в снижении поголовья наших омаров! Джентльмены! В Святом Писании сказано: „Заколоть ли всех овец и волов, чтоб им было довольно? Или вся рыба морская соберется, чтобы удовлетворить их?“³

Я имею самые достоверные сведения, господа, о том, что на соседнем острове Корн-Хейвен *все рыбаки до единого* занимаются соскребанием „ягодок“! Несмотря на мои сообщения, агенты правительственного

³ Чис. 11:22.

рыбоохранного ведомства отказываются арестовывать и задерживать этих грабителей с острова Корн-Хейвен – ибо они грабители! Я намерен незамедлительно выступить против этих разбойников лично и применить по отношению к ним такие меры наказания, какие сочту приемлемыми, руководствуясь при этом уверенностью в своих подозрениях и добрым именем вашей комиссии, джентльмены!

Остаюсь вашим преданным агентом, Валентин Р. Адамс.

(К письму прилагаю перечень разбойников с острова Корн-Хейвен)».

Не прошло и месяца, как единственный причал в гавани на острове Корн-Хейвен сгорел. Некоторые из добытчиков омаров с Корн-Хейвена заподозрили Валентина Адамса в поджоге, а сам он не особенно старался снять с себя таковые подозрения, поскольку присутствовал при пожаре на Корн-Хейвене. На рассвете его видели стоящим в лодке, выкрашенной в гороховый цвет, у самого берега. Он размахивал кулаком и кричал: «Португальские шлюхи! Поглядите, поглядите на нищих католиков!» В это самое время добытчики омаров с Корн-Хейвен (которые были португальцами и католиками не более, чем сам Валентин Адамс) пытались спасти от огня свои лодки. Буквально через несколько дней после этого Адамс был найден в бухточке Файнменз. Его труп лежал на дне, и к его ногам было привязано по пятидесятифунтовому мешку с каменной солью. Труп обнаружил сборщик моллюсков.

Агент из охотничье-рыболовного ведомства признал утопление самоубийством. Что ж, это было довольно справедливо. В каком-то смысле, смерть Адамса стала самоубийством. Поджог единственного причала на соседнем острове – разве можно представить что-либо более самоубийственное? Это все понимали. И ни один из здравомыслящих обитателей острова Форт-Найлз не стал винить рыбаков с острова Корн-Хейвен за ответный шаг, каким бы жестоким он ни был. Однако без проблем не обошлось. У Адамса осталась вдова, и вдова эта (вот ведь незадача!) была на сносях. Если бы она осталась на Форт-Найлзе, для ее соседей это было бы большое неудобство, ведь им пришлось бы ее поддерживать. И как выяснилось, намерения вдовы были именно таковы. Она должна была камнем повиснуть на шее маленькой общины, состоящей из семей, в поте лица добывающих свой хлеб и едва сводящих концы с концами. Островитян такая перспектива испугала, и смерть Адамса породила ропот. Мало того, утопить человека, привязав к его ногам мешки с той самой солью, которой он присыпал подгнившую наживку, – это было более чем оскорбительно. На это следовало ответить.

Поразмыслив некоторое время, мужчины с острова Форт-Найлз как-то ночью подошли на веслах к острову Корн-Хейвен и слегка прошлись смолой по сиденьям во всех шлюпках, стоявших на якоре в бухте. Это была просто грубая шутка – ради смеха. Но потом они срезали все буйки, какие только им попались, а буйками этими были обозначены омаровые ловушки на рыболовной территории Корн-Хейвена. В результате веревки, ведущие к ловушкам, легли на дно и пропали на веки вечные вместе с ловушками. Тем самым был полностью уничтожен омаровый промысел – какой уж он там был в тысяча девятьсот третьем году! – на весь сезон лова.

Справедливо? Справедливо.

После этого неделю было тихо. А потом один известный человек с острова Форт-Найлз, Джозеф Кардоуэй, был пойман около бара на материке десятком ловцов омаров с острова Корн-Хейвен. Они поколотили его длинными баграми с дубовыми рукоятками. Когда Кардоуэй пришел в себя после побоев, у него было оторвано левое ухо, он ослеп на левый глаз, а большой палец на расплющенной левой руке болтался, как украшение. Нападение на Кардоуэя возмутило всех обитателей Форт-Найлза. Ведь Кардоуэй даже не был рыбаком. На Форт-Найлзе у него была небольшая мельница, а еще он был резчиком льда. Он не имел никакого отношения к промыслу омаров, но из-за этого стал калекой. И тут омаровая война разразилась в полную мощь.

Рыбаки с островов Форт-Найлз и Корн-Хейвен сражались десять лет. С тысяча девятьсот третьего по тысяча девятьсот тринадцатый. Не все время, конечно. Даже тогда омаровые войны не велись постоянно. Эти войны представляют собой тягомотные споры за территорию, периодически перемежающиеся атаками и отступлениями. Однако во время омаровой войны всегда имеет место напряженность, всегда есть опасность, что другойловец омаров срежет твои снасти. Людей настолько поглотила борьба за выживание, что они в итоге лишились средств к существованию. Они столько времени тратили на сражения, слежку и ссоры, что у них почти не оставалось времени на рыбалку.

Как и при любом конфликте, некоторые участники этой омаровой войны втянулись в нее сильнее других. На Форт-Найлзе за территорию лова жарче других бились мужчины из семейства Поммероев и, вследствие этого, порядком пострадали. Они разорились. На Корн-Хейвене порядком пострадали члены семейства Берденов. Они напрочь забросили работу, чтобы постоянно строить козни соседям – в частности, семейству Поммероев с Форт-Найлза. Почти до гроша разорились Коббсы с обоих островов. Генри Даглишу так осточертела эта война, что он велел своим домашним собрать пожитки и перебрался с Корн-Хейвена на Лонг-Айленд и стал там констеблем. Все, кому довелось в эту пору родиться на Форт-Найлзе и Корн-Хейвене, выросли в бедности. Все родившиеся в эту пору Поммерои, Бердены и Коббы выросли в полной нищете. И в ненависти. Они попросту голодали.

Что же касается вдовы убиенного Валентина Адамса, то она в тысяча девятьсот четвертом году разрешилась от бремени мальчиками-двойняшками. Мальчишка, которого она назвала Ангусом, вырос долговязым хулиганом, а его брат Саймон был толстым и безобидным малым. Вдова Адамс умом не блистала – под стать своему покойному муженьку. Она терпеть не могла, когда в ее присутствии произносили слово «Корн-Хейвен». Услышав это слово, она начинала верещать так, словно ее убивали. Желание мести переполняло ее, злоба старила ее. Она то и дело подначивала соседей, чтобы они делали всякие пакости рыбакам, обитавшим по другую сторону пролива Уорти. Она распаляла гнев и мстительность соседей, стоило им только немного расслабиться. Отчасти из-за ее злобствований, отчасти из-за неизбежного течения конфликта, к тому времени, когда омаровая война, начатая их отцом, окончательно затихла, двойняшкам исполнилось по десять лет.

На обоих островах нашелся только один рыбак, который не принимал никакого участия в этих событиях. Этого рыбака с острова Форт-Найлз звали Эббетт Томас. После поджога причала на Корн-Хейвене Томас тихо и спокойно вытащил со дна моря все свои омаровые ловушки. Он очистил горшки и вместе с прочими снастями убрал на чердак. Он вытянул из моря свою лодку, выскреб ее хорошенько и уложил на берегу, накрыв парусиной. Прежде никаких омаровых войн не было, поэтому остается только гадать, каким образом он сумел предвидеть, какой кошмарный оборот примут события, но он был наделен недюжинной интуицией. По всей видимости, Эббетт Томас догадался (так же, как рыбаки предугадывают дурную погоду), что мудрее отсидеться и переждать бурю.

Надежно спрятав свои омаровые снасти, Эббетт Томас поднялся на единственный высокий холм на острове Форт-Найлз, вошел в контору компании «Эллис-гранит» и спросил, нет ли какой работы. Дело это было неслыханное – чтобы местный житель пошел наниматься на работу в каменоломни. А Эббетту удалось уговорить самого доктора Жюля Эллиса, основателя и владельца компании, взять его на работу. Эббетт Томас стал бригадиром в упаковочном цеху, где надзирал за изготовлением деревянных ящиков и коробок, в которых вывозили с острова обработанный гранит. Он был рыбаком, и все его предки были рыбаками, и всем его потомкам суждено было стать рыбаками, но Эббетт Томас не спускал свою омаровую лодку на воду целых десять лет. Недюжинная интуиция позволила ему пережить омаровую войну без особых тягот и тех страданий, которые разорили большинство соседей. Он держался сам по себе и свою семью держал подальше от любых заварушек.

Эббетт Томас был необычным человеком для своего места и времени. Образования он не получил, но был сообразителен и по-своему умен. Доктор Жюль Эллис обратил внимание на его смекалку и решил, что это просто стыд и позор – чтобы такой умный человек торчал на маленьком никчемном острове и гробил свою жизнь, занимаясь рыбалкой. Доктор Эллис часто думал о том, что в других обстоятельствах Эббетт Томас мог бы стать крепким бизнесменом, а может быть, даже профессором. Но другие обстоятельства Эббетту Томасу не были даны, поэтому он прозябал на Форт-Найлзе и добился немногого, кроме того как был хорошим рыбаком и имел скромный, но стабильный доход, и всегда держался в стороне от соседских распрей. Он женился на своей троюродной сестре, невероятно практичной женщине по имени Пейшенс Берден, и у них родилось двое сыновей – Стэнли и Лен.

Эббетт Томас прожил хорошую жизнь, но недолгую. В возрасте пятидесяти лет он скончался от апоплексического удара, не дожив до свадьбы своего первенца Стэнли. Но обиднее всего то, что он не дожил до рождения своей внучки, девочки по имени Рут, которую жена Стэнли родила в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году. Ужасно жаль, потому что Эббетт Томас был бы в полном восторге от Рут. Вряд ли бы он хорошо понимал свою внучку, но за ее жизнью наблюдал бы, скорей всего, с любопытством.

1

В отличие от ряда членистоногих, которые к благополучию своего потомства относятся с холодным равнодушием, мамочка-омар держит своих крошечных отпрысков около себя до тех пор, пока юные омарчики не вырастают до таких размеров, что могут жить самостоятельно.
«Жизнь крабов, креветок и омаров», Уильям Б. Лорд, 1867

Появление на свет Рут Томас было не самым легким. Она родилась на той неделе, когда бушевали жуткие ураганы. Вернее говоря, в последнюю неделю мая тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года урагана уже не было, но море еще не успокоилось, и волны жестоко хлестали по берегам острова Форт-Найлз. Жена Стэна Томаса, Мэри, рожала в самый разгар бури, и роды были тяжелые. Первые роды у довольно хрупкой женщины, а ребенок словно не желал рождаться. По идее, Мэри Томас следовало бы переправить на материк и препоручить заботам врача, но в такую жуткую погоду вести куда-то роженицу было немыслимо. На острове не было не только врача, там даже медсестры не было. Никто не оказывал медицинской помощи роженицам. Так что Мэри была предоставлена сама себе.

Она плакала и кричала, а соседки, действующие в роли команды акушеров-любительниц, осыпали ее утешениями и советами и покидали исключительно для того, чтобы распространить вести по острову. Дело выглядело паршиво. Самые старые, умудренные опытом женщины почти сразу решили, что жена Стэна не выкарабкается. Мэри Томас не была островитянкой, и в ее силы не слишком верили. Ее и в лучшие-то времена считали неженкой, плаксой и тихоней. Так что местные женщины почти не сомневались, что она просто помрет от боли у них на глазах. И все же они суетились и спорили между собой: чем лучше попотчевать роженицу, как ее лучше уложить. Иногда кто-то из них ненадолго забегал домой за чистыми полотенцами или льдом для Мэри, успевая доложить мужу, что дела в доме Томасов самые что ни на есть печальные.

Сенатор Саймон Адамс, услышав об этом, решил приготовить свою знаменитую перченую куриную похлебку, каковую считал великолепным снадобьем для женщины в таком тяжелом положении. Сенатор Саймон был пожилым холостяком и жил в одном доме со своим братом Ангусом, который также был пожилым холостяком. Оба они были сыновьями Валентина Адамса. Ангус был самым суровым и воинственным добытчиком омаров. Сенатор Саймон вообще омаров не ловил. Море его пугало, он не решался сесть в лодку. Ближе всего к морю Саймон оказался однажды, не дойдя одного шага до полосы прибоя на Гэвин-Бич. Когда он был подростком, один местный хулиган попробовал затащить его на причал, так Саймон ему всю физиономию исцарапал – почти живого места не осталось, да еще руку чуть не сломал. Он колошматил этого хулигана, пока тот не лишился чувств. Словом, воду Сенатор Саймон совсем не любил.

Между тем руки у него были золотые, и деньги он зарабатывал починкой мебели, омаровых ловушек, а также тем, что подправлял чужие лодки (на берегу, разумеется). Его считали чудачком. В свободное время он читал книги и изучал карты, которые заказывал по почте. Он много чего знал о большом мире, хотя ни разу в жизни не выезжал за пределы острова Форт-Найлз. За свои обширные познания он и заработал прозвище Сенатор, и прозвище это было шутливым лишь отчасти. Саймон Адамс был странным человеком, но при этом относились к нему *уважительно*.

Сенатор был уверен в том, что густая перченая куриная похлебка вылечит любую хворь и будет полезна даже при родах, вот он и наварил большую кастрюлю своего снадобья для Мэри Томас. Этой женщиной он искренне восхищался и переживал за нее. Вечером двадцать вось-

мого мая тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года он принес кастрюлю с теплой похлебкой в дом Томасов. Соседские женщины его впустили и сообщили, что дитя уже родилось. Они заверили Саймона в том, что все в порядке. Ребенок родился крепким, а мать непременно поправится. Пожалуй, она даже может отведать этой куриной похлебки.

Сенатор Саймон Адамс заглянул в колыбельку и увидел ее – крошку Рут Томас. Малышка была необычайно хорошенькая – с черными густыми волосенками и пытливым выражением личика. Сенатор Саймон Адамс сразу обратил внимание на то, что она не красно-лиловая, какими бывает большинство новорожденных. Она не была похожа на ошипанного вареного кролика. Кожа у нее была гладкая, оливкового цвета, а взгляд необычайно серьезный для такой крошки.

– О, какая милашка, – проговорил Сенатор Саймон Адамс, и женщины позволили ему взять Рут Томас на руки.

Держа новорожденную девочку, он выглядел таким великаном, что женщины рассмеялись. Великан-холостяк с крошечной малышкой на руках. А Рут, лежа на руках у Саймона, словно бы вздохнула, вытянула трубочкой маленькие губки и беззаботно моргнула. Сенатор Саймон ощутил прилив почти дедовской гордости. Он поцокал языком и сделал «козу», чтобы рассмешить девочку.

– Ох, ну какая же милашка, – сказал он снова, и женщины снова рассмеялись. – Ну просто персик, – добавил Саймон.

Рут Томас была чудесной малышкой, а когда подросла, стала очень красивой девочкой. Темные брови, широкие плечи, великолепная осанка. Она с детства держала спину прямо, будто к ней была привязана доска. Еще совсем маленькой она вела себя как взрослая. Первым ее словом было решительное «нет», а первой фразой – «спасибо, не надо». Игрушки ее не слишком интересовали. Ей нравилось сидеть на коленях у отца и читать вместе с ним газеты. Ей нравилось общество взрослых. Она могла тихо сидеть рядом часами, и никто ее не замечал. В плане подслушивания она была специалисткой мирового класса. Когда ее родители отправлялись в гости к соседям, Рут забиралась под кухонный стол и сидела там тихо, как мышка, прислушиваясь к каждому слову. Чаще всего в детстве она слышала от взрослых: «Ой, Рут, а мы даже не знали, что ты здесь!»

Рут Томас была незаметной, поскольку вела себя осторожно, а также от нее всех отвлекали жуткая суэта, шум и гам в обличье Поммероев, которые жили по соседству с Рут и ее родителями. У Поммероев было семеро мальчишек, а Рут родилась чуть позже появления на свет младшего из них. Она, можно сказать, почти терялась на фоне хаоса, создаваемого Вебстером, Конвеем, Джоном, Фейганом, Тимоти, Честером и Робинотом Поммероями. Мальчишки Поммерои на острове Форт-Найлз были притчей во языцех. Конечно, бывало, что и другие женщины здесь рожали столько детей, но не так часто и не слишком охотно. А семеро детишек у молодой пары всего-то за шесть лет – это смахивало на эпидемию.

Брат-двойняшка Сенатора Саймона, Ангус, о семействе Поммероев высказывался так: «Это не семья. Это какой-то треклятый помет».

Правда, Ангус Адамс мог так говорить из зависти, поскольку у него самого родственников не было, кроме чудаковатого единоутробного братца, поэтому чужое семейное счастье терзало Ангуса Адамса, как язва. А вот Сенатора, напротив, миссис Поммерой умиляла. Он говорил, что миссис Поммерой всегда выглядит беременной, потому что ничего не может с собой поделать. А еще он говорил, что, будучи беременной, она словно бы за что-то извиняется.

Замуж миссис Поммерой вышла совсем юной – ей и шестнадцати не исполнилось, – и замужество приносило ей одну только радость. Она обожала мужа, а сама была просто, что называется, сорвиголова. А еще она выпивала, то есть пила, как ненормальная, и обожала это дело. Она так пила во время беременности, что соседи поговаривали: из-за этого-то у ее дети-

шек с головой не все в порядке. Так это было или нет, но ни один из семи сыновей Поммероев так толком и не научился читать. Даже Вебстер Поммерой, считавшийся в этой колоде детишек прямо тузом в плане ума, не прочел до конца ни одной книжки.

В детстве Рут Томас часто забиралась на дерево, тихонько там сидела и при случае швырялась камешками в Вебстера Поммероя. Он в ответ швырял камешки в нее и обзывал ее «вонючей задницей». А она говорила: «Вот как? И где же ты такое вычитал?» Тогда Вебстер Поммерой стаскивал Рут с дерева и бил по лицу. Рут была большая умница, но порой ей трудно было удержаться от метких высказываний, и, получая по физиономии, она делала вывод, что это просто неизбежно для умной девочки, живущей по соседству с таким количеством Поммероев.

Когда Рут Томас было девять лет, в ее жизни произошло значительное событие. Ее мать уехала с острова. Отец Рут, Стэн Томас, отправился с ней – в Рокленд. Они собирались пробыть там неделю-другую. До возвращения родителей Рут должна была пожить у Поммероев, но в Рокленде что-то случилось – какие-то осложнения, из-за которых мать Рут оттуда не вернулась. В то время никто никаких подробностей Рут не рассказывал.

В конце концов, ее отец возвратился, но не скоро. Рут пришлось провести у Поммероев несколько месяцев, все лето. Значительное событие не слишком огорчило Рут, потому что она очень любила миссис Поммерой. Ей понравилось жить у нее. Она была готова остаться у нее навсегда. А миссис Поммерой любила Рут.

– Ты мне прямо как родная дочка! – часто говорила Рут миссис Поммерой. – Ты мне прямо как чертова родная дочурка, которой у меня сроду не было!

Слово «дочурка» миссис Поммерой произносила так: «*доутишка*», и Рут это ужасно нравилось. Ей казалось, что у нее над ухом шуршат перышки. Как все уроженки Форт-Найлза и Корн-Хейвена, миссис Поммерой говорила с акцентом, который в Новой Англии именовали «нижневосточным». По сравнению с грубым провинциальным говором шотландских и ирландских первопоселенцев это был, можно сказать, легкий шепоток. Помимо всего прочего, для этого акцента было характерно просто-таки преступное пренебрежение звуком «р». Рут ужасно нравилась речь миссис Поммерой. У матери Рут такого красивого выговора не было, и к тому же она никогда не употребляла таких слов, как «чертов», «мать твою», «дерьмо» и «задница», а эти слова, словно перец, добавляли остроты в речь коренных островитян и многих из их жен. А еще мать Рут не хлестала ром в огромных количествах и не становилась после этого нежной и любящей. А миссис Поммерой такой становилась каждый божий день. Короче говоря, у нее была куча преимуществ в сравнении с матерью Рут.

Миссис Поммерой была не из тех женщин, которые непрерывно лезут обниматься. А вот поддеть локотком или ткнуть пальцем она любила. Она непрерывно поддевала Рут локтем и толкала, порой с такой силой, что та падала. Но все это – с любовью, конечно. Повалить Рут ей удавалось только потому, что та была еще маленькая. И по попе миссис Поммерой ее шлепала любовно.

«Ты прямо как моя чертова родная дочурка, которой у меня сроду не было!» – восклицала миссис Поммерой, поддевала Рут локтем, а потом толкала... и Рут падала.

Доутишка!

Наверное, миссис Поммерой ничего не имела против дочери – после того, как родила семерых сыновей. Да, ей очень даже по сердцу были дочери – после того, как она столько лет мучилась с Вебстером, Конвеем, Джоном и Фейганом и так далее, и так далее, которые вели себя за столом так, словно сбежали из сиротского приюта, а орали, как каторжные. Словом, к тому времени, когда у них поселилась Рут, миссис Поммерой была совсем не против дочери.

Но больше всех на свете миссис Поммерой любила своего мужа. Она безумно любила мистера Поммероя. Он был невысокий, мускулистый, с большими руками, тяжелыми, как

дверной молоток. Глаза у него были узкие. Он ходил, подбоченившись. Лицо у него было странное – всегда какое-то сморщенное, а губы вечно приоткрытые, словно готовые к поцелую. Он хмурился и щурился так, будто вел в уме какие-то сложные математические расчеты. Миссис Поммерой его обожала. Когда она сталкивалась с ним в коридоре, она щипала его за соски через майку. Щипала и визжала:

– Шутка! А мистер Поммерой вопил в ответ:

– О-о-о-ой!! А потом хватал ее за руки и говорил:

– Ванда! Прекрати, слышишь? Терпеть этого не могу!

А еще он говорил:

– Ванда, если б у тебя руки не были такие теплые, я б тебя давно вышвырнул из этого чертова дома.

Но он ее любил. По вечерам, когда они усаживались на диван послушать радио, миссис Поммерой, бывало, брала в рот прядь волос мистера Поммероя и сосала, будто лакричный леденец. Иногда они тихо сидели рядом часами. Она вязала что-нибудь шерстяное, а он плел сетки для омаровых ловушек. На полу между ними стояла бутылка рома, к которой они оба время от времени прикладывались. Выпив порядочно, миссис Поммерой любила улечься на спину, упереться ступнями в бок мужа и сказать:

– Наступила на тебя.

– Не наступай на меня, Ванда, – говорил мистер Поммерой равнодушным голосом, не глядя на жену, но при этом улыбался.

Она упрямо давила на его бок ступнями и повторяла:

– Наступила на тебя. Наступила на тебя.

– Пожалуйста, Ванда. Не наступай на меня. (Жену мистер Поммерой называл Вандой, хотя ее на самом деле звали Рондой. И что самое забавное – их сын Робин, который, как и все местные, упорно не произносил «р» в конце слов, не мог правильно произнести ни одного слова, начинающегося с «р». Много лет Робин своего собственного имени не мог правильно произнести, как и имени матери. Мало того, долгое время все жители Форт-Найлза подражали ему. По всему острову можно было услышать, как крепкие взрослые рыбаки жаловались, что *выба* плохо ловится, что надо бы подправить *вуль* или купить новый коротковолновый *вадио-приемник*. А еще можно было услышать, как взрослая крепкая женщина рассказывает другой, какой вчера испекла вкуснейший *вульт*.)

Айра Поммерой очень любил жену, и все понимали почему, поскольку Ронда Поммерой была настоящей красоткой. Она носила длинные юбки и при ходьбе подхватывала подол, будто представляла себя важной дамой из Атланты. Ее взгляд всегда был наполнен изумлением и радостью. Если кто-то выходил из комнаты хотя бы на минутку, а потом возвращался, она вздергивала брови и очаровательно интересовалась: «Где же ты была?» Она была молода, хотя и успела родить семерых сыновей, и волосы у нее были длинные, как у юной девушки. Она делала высокую прическу, укладывала волосы толстым блестящим валиком на макушке. Рут Томас, как все остальные на Форт-Найлзе, считала миссис Поммерой необыкновенной красавицей. Она обожала ее. Рут часто ей подражала и даже играла в нее.

В детстве Рут стригли коротко, как мальчика, и когда она играла в миссис Поммерой, она повязывала голову полотенцем, как это делают некоторые женщины после купания, но только в данном случае полотенце играло роль роскошной прически миссис Поммерой. Рут уговаривала Робина Поммероя, самого младшего из мальчишек, играть роль мистера Поммероя. Робин было легко командовать. К тому же ему самому эта игра нравилась. Когда Робин притворялся мистером Поммероем, он растягивал губы в отцовской полуулыбочке и ходил вокруг Рут, подбоченившись кулаками. Он хмурился и чертыхался. Ему нравилось играть роль взрослого мужика.

Рут Томас и Робин Поммерой то и дело играли в мистера и миссис Поммерой. Это была бесконечная игра. В детстве они играли в нее часами и неделями. Игра началась с беременности. Рут клала в карман штанов камешек, и этот камешек был один из еще не родившихся братьев Поммерой. Робин поджимал губы и читал ей нотации насчет деторождения.

– А теперь слушай-ка, – говорил Робин, уперев руки в боки. – Вот *водится* дитё, так у него ваще не будет зубов. Усекаешь? Оно жевать не умеет, как мы с тобой. Ванда! Придется тебе это дитё чем-то жиденьким потчевать!

Рут поглаживала камешек, лежащий в кармане, и отвечала:

– Кажись, я прямо сейчас рожу. – И бросала камешек на землю.

Ребенок рождался. Вот как все просто получалось.

– Ничего себе ребеночек, – говорила Рут потом. – Здоровенный какой.

Каждый день первый родившийся камешек называли Вебстером, потому что он был старшим. После того как Вебстер получал имя, Робин шел искать новый камешек, который должен был играть роль Конвея. Он отдавал камешек Рут, и та клала его в карман.

– Ванда! Это еще что такое? – требовательно вопрошал Робин.

– Нет, вы только поглядите, – отвечала Рут. – Ну это надо, а? Опять у меня будет чертов ребенок.

Робин свирепо сдвигал брови:

– Слушай сюда. Вот *водится* это дитё, и ножки у него будут нежненькие. Ванда! Где ты возьмешь ботинки для этого дитя?

– Этого ребенка я назову Кэтлин, – заявляла Рут. (Ей всегда хотелось, чтобы на острове была еще одна девочка.)

– Ни в жисть, – мотал головой Робин. – Будет мальчик.

И конечно же рождался мальчик. Этот камешек они называли Конвеем и бросали его на землю рядом со старшим братом, Вебстером. Скоро, очень скоро в лесу вырастала кучка камешков-братьев. Все лето Рут Томас рожала их. Иногда она наступала на камешки и говорила:

– Я наступаю на тебя, Фейган! И на тебя наступаю, Джон!

Каждого из этих мальчишек она рожала каждый день, а Робин ходил вокруг нее, подбочившись, и ругался, и отчитывал ее. А когда в конце игры рождался камешек-Робин, Рут порой говорила:

– Выброшу-ка я этого паршивого мальчишку. Уж больно он толстый. И даже говорить правильно не умеет.

Тогда Робин замахивался и сбивал с головы Рут полотенце-прическу. А она хватала полотенце и хлестала его по ногам, и у него на бедрах оставались красные отметины. Если Робин пускался наутек, Рут ухитрялась заехать ему кулаком по спине. Рут была метко, а догнать толстяка и увальня Робина труда не представляло. После игры полотенце становилось мокрым и грязным, и они бросали его в лесу, а на следующий день брали из дома новое. Так в лесу вырастала горка из полотенец, а миссис Поммерой никак не могла понять, куда они деваются.

– Куда они пропадают, эти полотенца? Эй? Где полотенца-то мои?

Поммерой жили в большом доме покойного двоюродного деда, который состоял в родстве с ними обоими. Мистер и миссис Поммерой были родственниками еще до свадьбы. Они были двоюродными братом и сестрой и оба носили фамилию Поммерой еще до того, как полюбили друг друга. («Прямо как чертовы Рузвельты», – ворчал Ангус Адамс.) Правду сказать, такое на Форт-Найлзе случалось нередко. Разных фамилий там осталось мало. Все были родней друг другу.

Покойный двоюродный дед был, таким образом, общим двоюродным дедом. Он построил большой дом рядом с церковью – на деньги, которые он заработал, держа универсальную лавку (это было еще до первой омаровой войны). Мистеру и миссис Поммерой дом достался по наследству. Когда Рут было девять лет и она осталась у Поммероев на лето, миссис Поммерой сначала хотела выделить ей комнату покойного двоюродного деда. Комната находилась под крышей, в ней было одно окно, под которым росла большая старая ель. Пол в комнате был гладкий, дощатый. Чудесная комнатка для девочки. Вот только беда: двоюродный дед застрелился в этой самой комнате. Пальнул себе в рот. До сих пор на обоях остались ржавые пятнышки запекшейся крови. Рут Томас наотрез отказалась спать в этой комнате.

– Господи Иисусе, Рути, он же давно помер, его схоронили, – говорила миссис Поммерой. – Ничего тут нету страшного.

– Нет, – говорила Рут.

– Даже если ты увидишь привидение, Рути, это будет призрак моего дедушки, а он тебя ни за что не обидит. Он обожал детишек.

– Спасибо, не надо.

– Да тут даже крови на обоях нету! – пыталась соврать миссис Поммерой. – Это просто грибок. От сырости.

Миссис Поммерой говорила Рут, что у нее в спальне время от времени точно такой же грибок на обоях появляется и что она спит просто замечательно. Она говорила, что каждую ночь спит как младенец. «В таком случае, – объявила Рут, – я буду спать в спальне миссис Поммерой». И в конце концов так она и поступила.

Рут спала на полу рядом с кроватью мистера и миссис Поммерой. У нее была большущая подушка и что-то вроде матраса, сшитого из довольно вонючих шерстяных одеял. Когда Поммерой ворочались, Рут это слышала. Когда они, хихикая, предавались любви, она это тоже слышала. Она слышала, как они сопят и храпят, крепко выпив перед сном. Каждое утро мистер Поммерой вставал в четыре часа, чтобы посмотреть, какой нынче ветер, а потом отправлялся ловить омаров, и Рут Томас слышала, как он ходит по дому. Она лежала с закрытыми глазами и слушала его шаги.

У мистера Поммероя был терьер, который всюду за ним бегал. Он даже в кухню за ним шел в четыре утра и цокал когтями по дощатому полу. Готовя себе завтрак, мистер Поммерой тихонько разговаривал с собакой.

– Шел бы ты спать, пес, – говорил он. – Не хочешь спать? Покемарить не хочешь, пес?

Иногда по утрам мистер Поммерой говорил:

– Ты зачем за мной таскаешься, пес? Хочешь научиться мне кофе варить? Хочешь научиться мне завтрак готовить?

Какое-то время в доме Поммероев жил кот. Это был портовый кот, здоровенный мейн-кун. Он заявился в дом Поммероев и стал там жить, потому что люто ненавидел терьера и так же люто ненавидел мальчишек Поммероев. Так ненавидел, что не желал от них отходить ни на шаг. Как-то раз кот подрался с терьером и выцарапал ему глаз. Глазница загнила. Тогда Конвей засунул кота в клетку для омаров, бросил клетку в море у берега, взял отцовское ружье и застрелил кота. Потом терьер, у которого противно воняла гниющая глазница, каждую ночь ложился спать на полу рядом с Рут Томас.

Рут нравилось спать на полу, но ей снились странные сны. Ей снилось, будто призрак покойного двоюродного дедушки Поммероев загоняет ее в кухню, а она там ищет ножик, чтобы его заколоть, но находит только проволочные венчики-взбивалки да плоские лопатки и только ими может защищаться. Снились ей и другие сны. Будто она стоит под проливным дождем на заднем дворе, где мальчишки дерутся друг с другом. Ей приходится подходить с маленьким зонтиком и накрывать от дождя то одного, то другого из семерых Поммероев, пока они без усталости мутузят друг дружку вокруг нее.

По утрам, после того как мистер Поммерой уходил из дома, Рут снова засыпала и просыпалась несколько часов спустя, когда солнце было уже высоко. Она забиралась на кровать к миссис Поммерой. Миссис Поммерой просыпалась, щекотала шею Рут и рассказывала ей истории про всех собак, которые жили у ее отца в ту пору, когда миссис Поммерой была маленькая, как Рут.

– У нас были Биди, Брауни, Кэсси, Принц, Тэлли, Уипетт, – перечисляла миссис Поммерой, и вскоре Рут так заучила клички всех умерших собак – хоть экзамен сдавай.

Рут Томас жила у Поммероев три месяца, а потом на остров вернулся ее отец. Без жены. Неприятный инцидент разрешился. Мистер Томас оставил мать Рут в городке под названием Конкорд, в штате Нью-Гемпшир, и сколько она там должна была пробыть – неизвестно. Рут прекрасно поняла, что ее мать не вернется никогда. Отец забрал дочь из дома Поммероев в свой дом, по соседству. Теперь она спала в своей собственной спальне, снова тихо и спокойно жила с отцом и, как оказалось, совсем не тосковала по матери. Правда, очень горевала о том, что ей больше нельзя спать на полу рядом с мистером и миссис Поммерой.

А потом мистер Поммерой утонул.

Все мужчины говорили, что Айра Поммерой утонул из-за того, что рыбачил совсем один и порядочно напился. Он имел обыкновение привязывать фляжки с ромом к веревкам, ведущим к омаровым ловушкам. Фляжки он опускал на глубину саженей в двадцать, где вода была холодная, и они болтались в промежутке между поплавком и ловушкой. Все рыбаки время от времени так делали, не мистер Поммерой эту хитрость придумал, однако он весьма значительно усовершенствовал это приспособление. Вот эти самые усовершенствования его и сгубили – так говорили все. Он попросту напился до чертиков в день, когда были слишком большие волны, а кормовой настил на его лодке был слишком скользким. Скорее всего, он свалился за борт, ничего не соображая. Наверное, вытягивал ловушку, и его накрыло здоровенной волной. А плавать он не умел. Но с другой стороны, очень мало кто из добытчиков омаров как с Форт-Найлза, так и с Корн-Хейвена умел плавать. Да и умей мистер Поммерой плавать – вряд ли бы ему это помогло. Он упал в холодную воду в высоких сапогах, в длинном клеенчатом дождевике, в толстых перчатках, поэтому быстро утонул. Хотя бы недолго мучился. А когда человек умеет плавать, он порой слишком долго мучается перед гибелью.

Три дня спустя тело нашел Ангус Адамс, когда вытаскивал ловушки. Труп мистера Поммероя запутался в веревках, словно разбухший соленый окорок. Вот какой конец его постиг. Утопленника может нести волнами куда угодно, а вокруг острова Форт-Найлз кругом было полным-полно опущенных в воду веревок. Целая сеть, можно сказать, и эта сеть могла фильтровать воду и ловить утопленников. На территории Ангуса закончилось плавание мистера Поммероя, а чайки уже успели выклевать его глаза.

Лодка у Ангуса была маленькая, для второго человека места в ней было мало – как для живого, так и для мертвого, вот он и швырнул труп мистера Поммероя в корыто поверх живых омаров, выловленных за утро. Хорошо, что он им клешни связал, чтобы они друг дружку не сожрали. Как и мистер Поммерой, Ангус на ловлю вышел один. В ту пору у него не было помощника, так как он не желал делиться своим уловом с каким-нибудь там мальчишкой-сопляком. Он даже радиоприемник с собой не брал, что было довольно необычно для ловца омаров, но Ангус не любил, когда над ухом кто-то треплется. В тот день нужно было проверить несколько десятков ловушек. Ангус всегда проверял все ловушки до единой, не важно, много или мало попадется омаров. И в тот день, выловив труп мистера Поммероя, Ангус довел начатое дело до конца – поднял со дна все оставшиеся ловушки, а это заняло несколько часов. Каждого омара он, как положено, измерял. Мелких швырял за борт, а крупных бросал в корыто, предварительно связав им клешни. Всех отобранных омаров он укладывал в корыто с крышкой, подальше от солнца. Поверх труп.

Примерно в половине четвертого пополудни он вернулся к острову и встал на якорь на некотором расстоянии от берега. Труп мистера Поммероя он перебрал в гребную шлюпку, потом переложил добытых омаров в корзины для хранения, потом приготовил наживку на следующий день, потом убрал в ящик под сиденьем дождевик. Покончив со всеми делами, он сел в шлюпку, где лежал труп мистера Поммероя, и направился к пирсу. Он привязал шлюпку к лесенке и поднялся на пирс.

Всем рассказал, кого именно он обнаружил запутавшимся в веревках нынче утром («только законченный идиот мог так погибнуть»).

– Он был весь опутан моими веревками, – мрачно сообщил Ангус Адамс.

Вышло так, что Вебстер и Конвей, Джон и Фейган, а также Тимоти и Честер Поммерои были на причале (они там играли) как раз в то время, когда Ангус Адамс привез туда труп. Первым увидел отца, лежащего на причале (раздувшийся и безглазый труп), старший сын, Честер. Он пошатнулся и охнул, а потом все это увидели остальные мальчики. Словно испуганные солдаты, они выстроились неровным строем и опрометью бросились домой. Они побежали прочь от гавани, вопя и плача на ходу. Промчавшись мимо покосившейся старой церкви, они приблизились к своему дому, на крыльце которого их соседка Рут Томас дралась с их младшим братишкой Робин. Рут и Робин вместе с ними одновременно вбежали в кухню и бросились к миссис Поммерой.

Миссис Поммерой ожидала такой новости с тех самых пор, как три ночи назад нашли лодку ее супруга. Его в лодке не было, а сама лодка плавала далеко от берега. Миссис Поммерой уже знала, что муж погиб, и думала, что никогда не увидит его тела. Но когда в кухню с искаженными от страха лицами вбежали ее сыновья и Рут Томас, миссис Поммерой сразу поняла, что тело нашли. И что ее сыновья все видели.

Мальчики налетели на мать и повалили ее на пол – так, будто они были храбрыми солдатами, а она – живой гранатой. Они накрыли ее собой и погасили. Они плакали и рыдали, а она едва дышала под их весом. Рут Томас они тоже повалили. Ничего не понимая, она упала навзничь на пол. Робин Поммерой, не разобрав, в чем дело, бегал кругами около кучи плачущих братьев и матери и повторял:

– Вы чего? Вы чего, а?

Слово «вы» Робину давалось легко, в отличие от собственного имени, и он твердил снова и снова:

– Вы чего? Вы чего? Вебстер, чего вы?

Он никак не мог понять, почему так горько плачут его братья и почему молчит его мать, лежащая под ними. Он был еще слишком мал. Миссис Поммерой, валявшаяся на полу, молчала, как мумия. Сыновья окутали ее, будто саван. Когда она с трудом поднялась с пола, мальчики поднялись вместе с ней. Они словно прилипли к матери, вцепились в подол ее длинной юбки, будто репы или жуки. Стоило одному отлепиться, и он тут же снова цеплялся за мамину юбку. Все рыдали как полоумные, а она стояла тихо и пыталась отцепиться от них.

– Вебстер, вы чего? – повторял Робин. – Чего вы, чего?

– Рути, – сказала миссис Поммерой, – ступай домой. Скажи отцу.

В ее голосе прозвучала пронзительная и прекрасная печаль. *«Скажи отцу...»*

Рут решила, что более красивой фразы она ни разу в жизни не слышала.

Гроб для мистера Поммероя сколотил Сенатор Саймон Адамс, но сам на похороны не пошел, потому что до смерти боялся моря и никогда не ходил хоронить утопленников. Он не мог преодолеть свой страх, кем бы ни был покойный. Он должен был держаться подальше. Он сколотил для мистера Поммероя гроб из чистой белой ели, отшлифовал шкуркой и покрыл легкой олифой. Очень хороший получился гроб.

Для Рут Томас это были первые в жизни похороны. Очень хорошие – для первых в жизни похорон. Миссис Поммерой уже вела себя как образцовая вдова. Утром она вымыла шею и подстригла ногти Вебстеру, Конвею, Джону, Фейгану, Тимоти, Честеру и Робину. Она причесала им волосы красивым черепаховым гребнем, который обмакивала в высокий стакан с холодной водой. Рут была с ними. Она вообще не могла подолгу находиться вдали от миссис Поммерой, а уж тем более в такой важный день. Она встала в очередь и дождалась, когда миссис Поммерой и ее причешет, смачивая гребенку водой. Миссис Поммерой вымыла ее шею и выковыряла грязь из-под ногтей. Ногти у Рут заблестели, как монетки. Рут Томас была последней – будто самый младший ребенок. Миссис Поммерой причесывала девочку и чувствовала, какая у той горячая макушка. Мальчишки-Поммерой стояли смирно – все, кроме старшего, Вебстера, который нервно барабанил пальцами по бедрам. В тот день все мальчишки вели себя хорошо, ради матери.

А потом миссис Поммерой уселась за кухонный стол перед трюмо и стала трудиться над своими волосами. Она заплела волосы в косу и закрепила на макушке шпильками. Потом она смазала волосы чем-то забавным, и они стали похожими на гранит. А потом она набросила на голову черный шарф. Рут Томас и сыновья смотрели на нее как зачарованные. Она была торжественна и печальна, как и подобает достойной вдове. Она знала, как должна выглядеть. Ее печаль была красива. Жаль, что ее не сфотографировали в тот день. Она была просто потрясающе хороша.

Острову Форт-Найлз пришлось ждать еще неделю до похорон, потому что так долго добирался дотуда священник на «Новой надежде», миссионерском корабле. Ни на Форт-Найлзе, ни на Корн-Хейвене постоянных священников давно не было. Церкви стояли пустые и потихоньку разваливались. К тысяча девятьсот шестьдесят седьмому году на обоих островах стало слишком мало жителей (чуть больше ста человек), чтобы там могла существовать постоянно действующая церковь. Поэтому островитяне делили церковнослужителя с десятком других отдаленных островов вдоль побережья штата Мэн, где положение дел обстояло точно так же. «Новая надежда» была плавучей церковью, постоянно перемещающейся от одной островной общины к другой. Священник нигде не задерживался подолгу. «Новая надежда» вставала на якорь ровно на столько времени, сколько было нужно, чтобы окрестить, обвенчать или похоронить того, кто в этом нуждался, а затем корабль отплывал. «Новая надежда» так же доставляла благотворительные подарки, книги, а порой даже почту. Этот корабль, спущенный на воду в тысяча девятьсот пятнадцатом году, за годы своих плаваний перевозил несколько священников. Теперешний священник был уроженцем острова Корн-Хейвен, но на родине почти никогда не бывал. Служение порой заносило его далеко – даже в Новую Шотландию. Короче говоря, приход у него был обширный, и зачастую сложно было дожидаться от него желанного внимания.

Этого священника звали Тоби Вишнелл, он был из корн-хейвенских Вишнеллов. На Форт-Найлзе Вишнеллов все знали как первоклассных добытчиков омаров. Они были просто жутко ловкими и, ясное дело, богатыми. Даже как-то противоестественно было такое богатство для рыбаков. Им непостижимым образом удалось не разориться во время омаровых войн. Вишнеллы всегда вытаскивали тонны омаров с любой глубины, в любое время года, и за это остальные их терпеть не могли. У других добытчиков в голове не укладывалось, сколько же омаров Вишнеллы считали своими. Они словно бы сговорились с Господом Богом. Мало того, Вишнеллы словно бы и с омарами сговорились.

Омары как будто почитали за особую честь залезть в ловушку, поставленную Вишнеллами. Они ползли по дну моря мимо ловушек других добытчиков, чтобы в итоге их поймали Вишнеллы. Говорили, что любой Вишнелл поймает омара под камнем в саду вашей бабушки. Говорили, что омары водятся у Вишнеллов в подполах, как крысы. Еще говорили, что мальчишки-Вишнеллы рождаются с усиками, клешнями и панцирем, а потом все это у них отваливается, когда мать перестает кормить их грудью.

Везение Вишнеллов в омаровом промысле было возмутительным, оскорбительным и наследственным. Мужчины из рода Вишнеллов как-то уж особенно умели обескураживать мужчин с острова Форт-Найлз. Если кто-нибудь из рыбаков с Форт-Найлза отправлялся на денек по делам на материк (ну, скажем, в Рокленд) и встречал Вишнелла в банке или на автозаправке, то он обязательно начинал вести себя как законченный идиот. Теряя всякое самообладание, он унижался перед этим Вишнеллом. Улыбался, заикался и начинал расхваливать новую замечательную стрижку мистера Вишнелла или его новую замечательную машину. Он извинялся за свой грязный комбинезон и пытался по-дурацки объяснить, что он возился со своей лодкой и что эти засаленные лохмотья – не единственная его одежда, что он эти лохмотья скоро выбросит – вы, дескать, мистер Вишнелл, можете в этом не сомневаться. Вишнелл потом шел своей дорогой, а рыбак с Форт-Найлза сгорал от стыда и злости целую неделю.

Вишнеллы были великими новаторами. Они первыми из местных рыбаков стали использовать легкие нейлоновые веревки вместо старых, пеньковых, которые приходилось то и дело смолить, чтобы они не гнили в морской воде. Вишнеллы первыми додумались вытаскивать омаровые ловушки с помощью механических лебедок. На самом деле, они были первыми, кто пересел на лодки с мотором. Такие уж они были, эти Вишнеллы. Всегда и во всем первые и лучшие. Поговаривали, будто они наживку покупают у самого Христа. Каждую неделю они продавали громадный улов омаров и посмеивались над своей возмутительной удачей.

Пастор Тоби Вишнелл был первым и единственным мужчиной из рода Вишнеллов, который не стал рыбаком. Каким же это было оскорблением! Родиться Вишнеллом – омаровым магнатом, омаровым *магнатом* – и послать куда подальше такой дар! Отвернуться от семейного бизнеса! Какой дурак так бы поступил? Тоби Вишнелл, вот кто. Он отказался от всего этого ради Господа, и на Форт-Найлзе все считали его выбор жалким и неприличным. Из всех Вишнеллов на острове больше всех ненавидели Тоби. Он всех просто возмущал. А более всего жителей Форт-Найлза возмущало то, что он был их *священником*. Они не желали, чтобы этот человек близко подходил к их душам.

– Какой-то он не такой, этот Тоби Вишнелл. Что-то он от нас скрывает, – говорил отец Рут Томас, Стэн.

– Да педик он, – фыркал Ангус Адамс. – Отпетый педик.

– Он – грязный врун. И ублюдок законченный, – кивал Стэн Томас. – А может, и педик к тому же. Да, запросто он может быть педиком.

Тот день, когда молодой пастор Тоби Вишнелл прибыл на Форт-Найлз на «Новой надежде», дабы отслужить чин погребения утонувшего в пьяном виде, разбухшего и безглазого мистера Поммероя, был красивым днем в самом начале осени. Тоби Вишнелл выглядел очень хорошо, даже элегантно. Он был высок и строен. Черный шерстяной костюм сидел на нем превосходно. Чтобы не запачкать брюки, он их заправил в тяжелые и высокие рыбацкие сапоги.

В облике пастора Тоби Вишнелла было что-то неразумно утонченное, его чисто выбритый подбородок выглядел чересчур красиво. Он был каким-то лакированным, слишком ухоженным. Мало этого, он был блондином. Видимо, когда-то кто-то из Вишнеллов женился на шведке, дочери кого-то из рабочих гранитного производства. Такое случалось на рубеже веков, а потом время от времени рождались детишки с мягкими светлыми волосами. На Форт-Найлзе, правда, такого сроду не было, там все были бледнокожие и темноволосые. Некоторые светловолосые жители Корн-Хейвена были очень даже красивы, и островитяне этим гордились. Цвет волос очень портил отношения между Корн-Хейвеном и Форт-Найлзом. На Форт-Найлзе на блондинов даже глядеть не хотели, а пастора Вишнелла – ненавидели еще сильнее.

Пастор Тоби Вишнелл отслужил прекрасный чин погребения Айры Поммероя. Он вел себя безупречно. Он вел миссис Поммерой на кладбище, держа ее под руку. Он подвел ее к краю свежерытой могилы, которую вырыл дядя Рут Томас, Лен. Он трудился несколько дней. Деньги у него не водились, и он соглашался на любую работу. Человек он был беспечный

и равнодушный, ему было на все плевать. Кроме того, он согласился неделю подержать тело утонувшего мистера Поммероя у себя в погребе, хотя его жена очень возражала. Труп хорошенько посыпали каменной солью, чтобы не так сильно смердело, но Лену было все равно.

Рут Томас смотрела, как миссис Поммерой и пастор Вишнелл шли к могиле. Они шли в ногу, и их движения были синхронными, как у фигуристов. Они очень хорошо смотрелись вдвоем. Миссис Поммерой храбро сдерживала слезы. Она шла, горделиво приподняв подбородок – так, словно боялась, что у нее носом кровь пойдет.

Пастор Тоби Вишнелл произнес проповедь у могилы. Он говорил, старательно подбирая слова и выдавая свою ученость.

– Подумаем об отважном рыбаке, – начал он, – и о жестоком коварстве моря...

Рыбаки слушали его молча и сурово, внимательно рассматривая свои рыбацкие сапоги. Семеро мальчишек-Поммероев стояли «лесенкой» рядом с матерью. Их всех словно пригвоздили к земле – всех, кроме Вебстера. Этот то и дело переступал с ноги на ногу, словно собирався сорваться с места и убежать. Вебстер не мог усидеть на одном месте с того мгновения, как увидел, как труп отца положили на пирсе. С тех пор он то ходил из угла в угол, то барабанил пальцами по чему попало, то с ноги на ногу переступал. В тот вечер с Вебстером что-то произошло. Он как-то вдруг поглупел, стал суетливым, нервным. А миссис Поммерой... От ее красоты содрогался безмолвный воздух, окутывавший ее.

Пастор Вишнелл вспомнил о том, каким ловким и умелым рыбаком был мистер Поммерой, как он любил лодки и детей. Пастор Вишнелл высказал сожаление о том, что такая судьба постигла славного моряка, и посоветовал собравшимся у могилы соседям и близким покойного смириться с Божьим промыслом.

Слез было немного. Плакал Вебстер Поммерой, плакала Рут Томас, а миссис Поммерой то и дело прикладывала к краешкам глаз платочек. Вот и все. Островитяне держались молчаливо и почтительно, но судя по их лицам, слишком близко к сердцу никто эту беду не принял. Жены и матери переступали с ноги на ногу, рассматривая могилу, рассматривая миссис Поммерой и Тоби Вишнелла и, наконец, собственных мужей и сыновей. Да, это трагедия, наверняка думала каждая из них. Потерять мужа и отца – это тяжело. Это больно. Это несправедливо. Однако помимо этих сострадательных мыслей у каждой женщины почти наверняка была еще одна: *«Это же не мой муж и не мой сын»*. Самым сильным чувством было чувство облегчения. В конце концов, сколько человек могло утонуть за год? Это случалось так редко. Чтобы за год утонули двое с одного острова – почти невероятно. Некоторые суеверно полагали, что утопленник Поммерой как бы уберег всех остальных рыбаков от такой участи. «Нашим мужьям пока бояться нечего» – так думали островитянки. «И никого из сыновей мы в этом году не потеряем».

Пастор Тоби Вишнелл предложил собравшимся вспомнить, что сам Христос был рыбаком и что сам Христос обещал встретить мистера Поммероя в раю вместе с трубящим ангельским воинством. Он просил, чтобы собравшиеся, являющие собой господню общину, не отказывали в духовном просвещении и помощи семерым юным сыновьям мистера Поммероя. Утрата земного отца горька, напомнил пастор Вишнелл присутствующим, поэтому так важно, чтобы мальчики не утратили связь с Отцом Небесным. Их души вверены попечению общины, и утрату мальчиками веры Господь непременно припишет небрежению оной общины, за что и накажет ее соответственно. Пастор Вишнелл просил собравшихся воспринять свидетельство святого Матфея, как предупреждение. Он прочел из Библии: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».⁴

⁴ Мф. 18:6.

Море было видно прямо за спиной пастора Вишнелла, гавань острова Форт-Найлз. Гладь воды поблескивала в лучах сурового послеполюденного солнца. На якоре посреди приземистых омаровых лодок стоял миссионерский корабль «Новая надежда» – чистенький, сияющий, такой изящный и длинный в сравнении с лодками. Рут Томас все это было видно очень хорошо с того места, где она стояла – на склоне холма, рядом с могилой мистера Поммероя. Не считая Сенатора Саймона Адамса, на похороны пришли все жители острова. Все были здесь, рядом с Рут, все до единого. Но на пристани стоял высокий незнакомый светловолосый мальчик, ростом выше любого из мальчишек Поммероев, даже издалека Рут смогла это понять. У него были большая голова, по форме немного похожая на ведро с краской, и длинные толстые руки. Мальчик стоял совершенно неподвижно, повернувшись к острову спиной, и смотрел на море.

Он так заинтересовал Рут Томас, что она даже перестала плакать. Все время, пока тянулась панихида, она смотрела на мальчика: он ни разу не пошевелился, смотрел на море, вытянув руки по швам. Только после окончания похорон, когда пастор Вишнелл пошел к пристани, светловолосый мальчик наконец сдвинулся с места. Не сказав ни слова, он спустился с причала по лесенке в шлюпку, взял весла и отвез пастора Вишнелла к «Новой надежде». Рут наблюдала за этим с большим интересом.

Но все это произошло после похорон. Между тем чин погребения шел своим чередом. Настал момент, когда мистера Поммероя, лежавшего в длинном еловом гробу, опустили в землю. Мужчины бросали на гроб комья глины, женщины бросали цветы. Вебстер Поммерой все это время топтался на месте, казалось, что он вот-вот сорвется и убежит. Миссис Поммерой перестала сдерживаться и очень красиво расплакалась. Рут Томас с некоторым возмущением смотрела на то, как хоронят утонувшего мужа женщины, которого она любила больше всех на свете.

Рут думала: «Господи! Ну почему он не умел плавать? Почему не выплыл?».

Вечером Сенатор Саймон Адамс принес сыновьям миссис Поммерой книгу в брезентовом чехле. Миссис Поммерой готовила ужин для мальчиков. Она все еще была в черном траурном платье, сшитом из слишком плотной ткани, не по сезону. Она сидела и чистила морковь со своего огорода. Сенатор принес ей маленькую бутылочку рома. Она сказала, что вряд ли выпьет, но все же поблагодарила его.

– Вот не думал, что вы откажетесь выпить рома, – сказал Сенатор Саймон Адамс.

– Мне совсем расхотелось выпивать, Сенатор. Больше ни разу не увидите, как я пью. Совсем не весело стало выпивать.

– А раньше было весело? – спросил Сенатор. – Когда-то так было?

– Ах... – вздохнула миссис Поммерой и печально улыбнулась. – Что это в мешочке?

– Подарок для ваших мальчиков.

– Поужинаете с нами?

– Поужинаю. Большое вам спасибо.

– Рути! – сказала миссис Поммерой. – Принеси Сенатору стакан для рома.

Но юная Рут Томас стакан уже принесла, принесла и кусочек льда. Сенатор Саймон погладил Рут по головке большой мягкой рукой.

– Закрой глаза, Рути, – сказал он ей. – У меня для тебя есть подарочек.

Рут послушно зажмурилась, как делала всегда с тех пор, когда была еще совсем малышкой, и Сенатор поцеловал ее в лоб. Громко чмокнул. Такой у него всегда был подарочек. Рут открыла глаза и улыбнулась ему. Он ее очень любил.

А потом Сенатор свел вместе кончики указательных пальцев:

– Ладно, Рути. Разрежь селедку.

Рути изобразила пальцами правой руки «ножницы» и просунула их между пальцами Сенатора.

– Получи щекотку! – воскликнул Сенатор и шутя ткнул Рут в бок.

Для этой игры она уже была взрослая, но Сенатору игра нравилась. Он долго смеялся, а Рут снисходительно улыбалась. Иногда они играли в «разрежь селедку» по четыре раза в день.

Рут Томас осталась у Поммероев на ужин, хотя это был день похорон. Рут почти всегда ела с ними. Ей здесь больше нравилось есть, чем дома. Отец Рут был не большой мастак готовить горячие блюда. Он был человек аккуратный и добрый, но в домашнем хозяйстве мало что понимал. Он был не против холодных сэндвичей на обед. Еще он был не против того, чтобы чинить оборванный подол платьев Рут с помощью степлера. Словом, вот так он вел хозяйство с тех пор, как мать Рут не вернулась домой. Рядом с ним никто бы не умер от голода, не замерз до смерти, не вышел бы без свитера в холодную погоду, но дом Стэна был не слишком уютный. Поэтому большую часть времени Рут проводила у Поммероев, где всегда было теплее и проще. В тот вечер миссис Поммерой и Стэна Томаса тоже позвала на ужин, но он остался дома, думая так: негоже, чтобы мужчину угощала ужином женщина, горяющая по только что погребенному мужу.

За стол все семеро мальчиков сели с мрачными лицами. Куки, собака Сенатора, дремала под стулом, на котором тот сидел. Безымянный одноглазый пес Поммероев, которого заперли в ванной на то время, пока в гостях Сенатор, выл и яростно лаял, возмущенный тем, что в доме присутствует еще одна собака. Но Куки этого лая и воя словно бы не замечала. Она жутко устала. Порой Куки устремлялась вплавь за рыбацкими лодками – даже тогда, когда море было бурное, и почти всегда едва не тонула. Это было ужасно. Эта глупая годовалая дворняжка думала, что может плавать в океане. Однажды Куки унесло течением к острову Корн-Хейвен, но моряки с почтового парохода ее вытащили и полумертвую привезли на Форт-Найлз. Просто жутко было смотреть, как она, надрываясь от лая, плыла вслед за лодками. Сенатор Саймон Адамс топтался около пристани – так близко, как только осмеливался подойти, и умолял Куки вернуться. Уж как только он ее не уговаривал! А собачонка небольшими кругами уплывала все дальше и дальше от берега, чихая от брызг, поднимаемых винтами подвесных моторов. Рулевые с тех лодок, которые она преследовала, швыряли Куки куски селедочной наживки и кричали: «Пошла прочь! Плыви домой!»

Сенатор, ясное дело, поплыть за своей собакой не мог. Кто угодно – только не Сенатор, настолько же боявшийся воды, насколько эта вода воодушевляла Куки. «Куки! – орал он. – Пожалуйста, вернись, Куки! Куки, вернись! Ну вернись же, Куки!»

Больно было на это смотреть, просто сердце разрывалось, а ведь это происходило с тех пор, когда Куки была еще щеночком. Она гонялась за лодками почти каждый день и к вечеру жутко уставала. Этот вечер не был исключением, так что во время ужина Куки, что называется, без задних ног, спала под стулом Сенатора. К концу ужина он подцепил вилкой последний кусочек свинины с тарелки и опустил под стол. Мясо упало на пол. Куки проснулась, задумчиво сжевала свинину и снова заснула.

А потом Сенатор снял брезентовый чехол с книги, которую принес в подарок мальчикам. Книга была большая и тяжелая, как кусок сланца.

– Для ваших мальчиков, – сказал Сенатор миссис Поммерой.

Она посмотрела на книгу и протянула ее Честеру. Честер повертел книгу в руках. Рут Томас подумала: «Этим мальчишкам – книгу?» Ей стало жаль Честера. Он держал тяжеленную книгу в руках и глазел на нее, ничего не понимая.

– Знаете, – сказала Рут Сенатору Саймону, – а они читать не умеют. – А потом она сказала Честеру: «Прости!», решив, что зря ляпнула такое в день похорон их отца, но она не знала точно, в курсе ли Сенатор, что мальчишки-Поммерои не умеют читать. Может, он не знал о том, что они безграмотные.

Сенатор Саймон взял книгу у Честера и сказал, что она принадлежала его прадеду. Его прадед приобрел эту книгу в Филадельфии, единственный раз в жизни выехав с острова Форт-

Найлз. Переплет у книги был сделан из толстой и прочной коричневой кожи. Сенатор раскрыл книгу и начал читать то, что было написано на первой странице.

Он прочел:

– «Посвящается королю, лордам-уполномоченным адмиралтейства, капитанам и офицерам королевского флота, а так же всем гражданам. Данное издание представляет собой наиболее точный, изысканный и совершенный рассказ о трудах и открытиях прославленного мореплавателя, путешественника вокруг света, капитана Джеймса Кука». Сенатор Саймон сделал паузу и обвел взглядом мальчишек-Поммероев. – Путешественника вокруг света! – воскликнул он.

Мальчики смотрели на него непонимающе и равнодушно.

– Кругосветное путешествие, ребята! Капитан Кук проплыл вокруг света, ребята! А вы бы не хотели сделать это когда-нибудь?

Тимоти Поммерой встал из-за стола, ушел в гостиную и улегся на пол. Джон положил себе еще моркови. Вебстер сидел и нервно постукивал подошвами ботинок по плиточному кухонному полу.

Миссис Поммерой учтиво переспросила:

– Вокруг всего света проплыл, вот как, Сенатор?

Сенатор прочел:

– «Здесь изложен подлинный, полный, занимательный рассказ о первом, втором и третьем плаваниях капитана Кука». – Он улыбнулся миссис Поммерой: – Чудесная книга для мальчиков. Вдохновенная. Славного капитана убили дикари, знаете ли. Мальчишкам нравятся такие истории. Ребята! Если вы хотите стать моряками, вы прочтете про капитана Кука!

В то время только один из мальчишек Поммероев был в некотором роде моряком. Конвей работал сменным помощником у рыбака (с Форт-Найлза) по имени мистер Дьюк Кобб. Несколько раз в неделю Конвей уходил из дома в пять часов утра, а возвращался поздно вечером, и от него воняло селедкой. Он вытаскивал ловушки, связывал клешни омаров и наполнял мешочки с приманкой. За работу он получал десять процентов от прибыли. Жена мистера Кобба давала Конвею с собой завтрак, что также являлось частью платы за работу. Лодка мистера Кобба, как и все прочие лодки, никогда не уходила от острова дальше, чем на пару миль. Мистер Кобб определенно не был путешественником вокруг света, да и Конвея, парня мрачноватого и ленивого, в плавание вокруг света тоже как-то не тянуло.

Единственным из братьев, кто по возрасту мог бы работать, был Вебстер, самый старший, но на лодке от него никакого толка не было. Инвалид, можно сказать. Морская болезнь трепала его с такой силой, что его непрерывно рвало, у него дико болела голова. Однажды он чуть не ослеп. Вебстер представлял себя только фермером. Он держал несколько кур.

– Сейчас я тебе кое-что забавное покажу, – сказал Сенатор Саймон Честеру, который сидел к нему ближе всех. Он положил книгу на стол и раскрыл посередине. Огромная страница была покрыта текстом, набранным мелким шрифтом. Мелким, плотным и тусклым, как рисунок на старинной ткани.

– Что ты тут видишь? Погляди-ка, как напечатано.

Наступило тягостное молчание. Честер тупо таращился на страницу.

– Тут ведь нигде нету буквы «s», видишь, сынок? Книгопечатники вместо нее взяли букву «f», сынок – вот, видишь? И так во всей книге. В то время, когда эту книгу печатали, такое часто случалось. А нам смешно, верно? Должно быть слово «sail» – то бишь «парус», или «идти под парусами», а мы что видим? Мы видим слово «fail», а оно означает «подводить» – ну, в смысле: «Эх, и подвел же ты меня, парень!» Это что же получается? Получается, что всякий раз, когда капитан Кук вел свой корабль под парусами, он свой корабль подводил? Да нет же, конечно, никого он не подвел. Он был великим мореплавателем. Ты только представь себе, Честер, что тебе кто-то скажет: «В один прекрасный день ты подведешь корабль!» Ха-ха!

– Ха-ха, – равнодушно откликнулся Честер.

– С вами уже говорили, Ронда? – неожиданно спросил Сенатор у миссис Поммерой и захлопнул книгу. Звук был такой, словно тяжелой дверью грохнули.

– Кто говорил, Сенатор?

– Все остальные мужчины.

– Нет.

– Ребятки, – сказал Сенатор Саймон. – Пойдите куда-нибудь. Нам с вашей мамой надо потолковать с глазу на глаз. Вот. Возьмите книгу. Пойдите во двор, поиграйте.

Мальчишки уныло вышли из кухни. Некоторые поднялись наверх, другие высыпали во двор. Честер вынес из дома странный и ненужный подарок – тяжеленную книгу с изложением рассказа о кругосветных плаваниях капитана Джеймса Кука. Рут незаметно залезла под кухонный стол.

– Они скоро придут, Ронда, – сказал Сенатор миссис Поммерой, как только мальчишки ушли. – Скоро мужчины придут поговорить с вами.

– Ну и ладно.

– Я хотел вас кое о чем предупредить. Знаете, о чем они станут вас спрашивать?

– Нет.

– Они станут спрашивать: собираетесь ли вы остаться здесь, на острове? Они захотят узнать, остаетесь вы или уедете на материк.

– Ну и ладно.

– Наверное, они захотят, чтобы вы уехали.

Миссис Поммерой промолчала.

Из своего наблюдательного пункта под столом Рут услышала всплеск и догадалась, что Сенатор Саймон подлил себе рома в стакан, где еще не растаял кусок льда.

– Ну так что же, вы собираетесь, значит, остаться на Форт-Найлзе? – спросил он.

– Думаю, мы, наверное, останемся, Сенатор. Я никого не знаю на материке. Ехать мне некуда.

– Однако, останетесь вы или соберетесь уезжать, все равно они пожелают купить омаровую лодку вашего мужа. А еще захотят рыбачить на его территории.

– Ну и ладно.

– Вы должны сберечь и лодку, и территорию для мальчиков, Ронда.

– Не соображу, как я могу это сделать, Сенатор.

– Я тоже не очень-то соображаю, как это сделать, если честно, Ронда.

– Мальчики ведь еще совсем маленькие. Они еще не могут сами рыбачить, Сенатор.

– Знаю, знаю. И не представляю, как вы за лодкой ухаживать станете, если оставите ее себе. Вам понадобятся деньги, и если мужчины захотят купить лодку, вам ее придется продать. Нельзя же просто бросить ее на берегу и ждать, пока мальчики подрастут. Не сможете вы также каждый день следить за морской территорией покойного супруга и гонять оттуда других рыбаков.

– Что верно, то верно, Сенатор.

– И я даже представить не могу, как мужчины позволят вам сберечь лодку и мужнину территорию. Знаете, что они вам скажут, Ронда? Они вам скажут, что хотят порыбачить на этой территории несколько лет – ну, чтобы добро не пропадало, понимаете? Только до тех пор, пока мальчики не подрастут, а уж потом, дескать, пусть они сами там рыбачат. Ну, так я вашим мальчикам желаю удачи. Заберут они лодку и места для лова обратно, как же! Никогда они больше ни того, ни другого не увидят!

Миссис Поммерой слушала Сенатора довольно равнодушно.

– Тимоти! – окликнул Сенатор Саймон, повернув голову к гостиней. – Ты рыбачить хочешь? А ты хочешь рыбачить, Честер? Ребятки, вы хотите стать добытчиками омаров, когда вырастете?

– Вы мальчиков во двор отправили, Сенатор, – напомнила ему миссис Поммерой. – Они вас не слышат.

– Ну да, верно. Но они же хотят стать рыбаками?

– Конечно, они хотят стать рыбаками, Сенатор, – ответила миссис Поммерой. – Кем еще они могут стать?

– В армию могут пойти.

– Что, на всю жизнь, Сенатор? Кто же служит в армии всю жизнь? Они захотят вернуться на остров и рыбачить, как все остальные.

– Семеро мальчуганов. – Сенатор Саймон задумчиво уставился на собственные руки. – Мужчины станут гадать, хватит ли вокруг этого острова омаров для еще семерых рыбаков, чтобы смогли себе на жизнь заработать. Конвею сколько лет?

Миссис Поммерой сказала Сенатору, что Конвею двенадцать.

– Ага. Так они все у вас отберут, будьте уверены. Жаль, очень жаль. Отберут территорию для лова и поделят между собой. Купят у вас мужнину лодку и снасти за бесценок, а этих денег вам и на год не хватит, чтобы мальчишек прокормить. А как территорию заберут, так потом вашим мальчикам придется ее с кровью обратно отвоевывать. Просто жуть. И готов об заклад побиться: большая часть территории достанется папаше Рути. Ему и моему братцу с загребущими руками. Жадюга номер один и Жадюга номер два.

Рут Томас, сидевшая под столом, нахмурилась. Ей стало стыдно. Щеки у нее покраснели и стали горячими. Она не совсем понимала суть разговора, но ей вдруг стало ужасно стыдно за отца. И за себя.

– Мне вас очень жаль, – сказал Сенатор. – Я бы вам посоветовал сражаться за свои права, Ронда, но, честно говоря, я не знаю, сможете ли вы победить. В одиночку точно не сможете. И мальчишки слишком маленькие, чтобы сражаться за территорию.

– Я вовсе не хочу, чтобы мои мальчишки за что-то сражались, Сенатор.

– Ну, тогда вам лучше обучить их какой-то другой профессии, Ронда. Было бы лучше им освоить какую-то новую профессию.

Какое-то время взрослые сидели молча. Рут едва дышала. А потом миссис Поммерой сказала:

– Он был не слишком хорошим рыбаком, Сенатор.

– Эх, помер бы он лет шесть спустя, когда мальчишки станут постарше. Вот бы когда ему надо было помереть.

– Сенатор!

– А может быть, и тогда лучше не было бы. Честно говоря, не понимаю, как вообще могло бы все получиться. Я про это думал, Ронда, еще тогда, когда вы рожали одного мальчишку за другим. Все пытался сообразить, как же все устроится в конце концов, и понял: ничего хорошего не выйдет. Даже если бы ваш муж остался в живых, все равно мальчишки бы передрались друг с дружкой. Омаров тут на всех не хватит, это факт. Жалко. Хорошие мальчишки, крепкие, здоровые. С девочками, конечно, проще. Они могут уехать с острова и выйти замуж. Надо было вам девочек рожать, Ронда! Надо было запереть вас в конюшне, пока вы не начали бы рожать дочурок.

Доутищурок!

– Сенатор!

Снова послышался всплеск, и Сенатор сказал:

– И вот еще что. Я пришел извиниться за то, что не был на похоронах.

– Не за что извиняться, Сенатор.

– Я должен был прийти. Должен был. Я всегда был другом вашей семьи. Но я не могу, Ронда. Не выношу утопленников.

– Вы не выносите утопленников, Сенатор. Это все знают.

– Спасибо за понимание. Вы добрая женщина, Ронда. Добрая. И вот еще что. Еще я пришел подстричься.

– Подстричься? Сегодня?

– Да, конечно, – сказал Сенатор.

Отодвинув стул от стола, Сенатор Саймон задел Куки. Куки вздрогнула, проснулась и заметила Рут под столом. Куки жутко разлаялась. Она таякала до тех пор, пока Сенатор не наклонился (с большим трудом), не приподнял край скатерти и заметил Рут. Он рассмеялся.

– Вылезай, малышка, – сказал он, и Рут послушалась. – Посмотришь, как меня стригут.

Сенатор достал из кармана рубашки долларовую купюру и положил на стол. Миссис Поммерой принесла старую простыню, достала из кухонного шкафчика ножницы и расческу. Рут оттащила стул на середину кухни, и Саймон Адамс сел. Миссис Поммерой обернула простыню вокруг шеи Саймона и накрыла ею стул. Открытыми остались только его голова и носки ботинок.

Опуская расческу в стакан с водой, миссис Поммерой смочила волосы на большой, похожей на буюк голове Сенатора и разделила волосы проборами. Она стригла по одной прядке, зажав волосы между средним и указательным пальцами. Рут, следя за знакомыми движениями миссис Поммерой, знала, что будет дальше. Когда миссис Поммерой закончит стрижку, к рукавам ее траурного платья прилипнут состриженные волосы Сенатора. Она присыплет его шею тальковой пудрой, свернет простыню в узел и попросит Рут вынести ее во двор и встряхнуть. Куки выбежит следом за Рут и будет лаять на хлопающую простыню и хватать зубами комки сырых волос.

«Куки! – будет кричать Сенатор Саймон. – Ко мне, малышка!»

Чуть позже, ясное дело, мужчины явились к миссис Поммерой. Это было на следующий вечер. Отец Рут пошел к дому Поммероев пешком, поскольку они жили совсем рядом, а другие приехали на незарегистрированных грузовичках, которыми пользовались для перевозки всякого хлама и катания детей. Мужчины принесли черничные пироги и запеканки в дар от своих жен и расположились в кухне. Не все сидели. Некоторые встали, облокотившись о кухонные тумбы или прислонившись к стене. Миссис Поммерой сварила всем по кружке кофе.

Рут Томас сидела на траве под окном кухни и пыталась научить Робина Поммероя произносить его имя и другие слова, начинающиеся с буквы «р». Робин повторял слова за Рут, старательно выговаривая все звуки, кроме неподдающегося.

– РО-бин, – говорила Рут.

– ВО-бин, – свирепо выговаривал он. – ВО-бин!

– РУ-ка, – говорила Рут. – РЕ-ка, РЕ-дис-ка.

– ВЕ-дис-ка, – говорил Робин. Мужчины делали миссис Поммерой разные предложения.

Они кое-что обсуждали. У них были кое-какие соображения насчет раздела между собой морской территории мистера Поммероя, дабы ею пользоваться и сберегать до тех пор, пока кто-нибудь из мальчиков не проявит интерес к ловле омаров и не выкажет в этом деле умение, до тех пор, пока любой из мальчиков не будет способен управляться с омаровой лодкой, снастями и ловушками.

– РЕ-па, – наставляла Рут Робина под кухонным окном.

– ВЕ-па, – заявлял Робин.

– РУТ, – сказала Рут Робину. – РУТ! Но ее имя он даже не попытался произнести. «Рут» – это было слишком трудно. И вообще, Робину эта игра надоела. Эта игра показывала, какой он глупый. Да и Рут было тоже не очень-то весело. В траве было полным-полно черных

слизней, скользких и блестящих, да еще и комары кусались нещадно. Робин то и дело хлопал себя по голове. Комаров в тот вечер было уж как-то особенно много. Погода была недостаточно холодная, чтобы они пропали. Комары искушали и Рут Томас, и всех остальных на острове, а особенно Робина Поммероя. В конце концов, комары загнали Рут и Робина в дом, и они спрятались в прихожей и сидели там до тех пор, пока мужчины не начали выходить во двор.

Отец позвал Рут, она взяла его за руку, и они направились к своему дому. С ними пошел хороший друг Стэна Томаса, Ангус Адамс. Темнело, начало холодать, и как только они вошли в дом, Ангус сразу затопил дровяную печь в гостиной. Он послал Рут наверх, чтобы она взяла доску для крибиджа⁵ из шкафчика в отцовской спальне, а потом велел ей достать из буфета в гостиной пару новых колод карт. Ангус уселся за маленький старинный карточный столик около печи.

Отец Рут и Ангус начали игру, а Рут села рядом с ними. Играли они, по обыкновению, спокойно, но оба твердо вознамерились выиграть. В детстве Рут сотни раз наблюдала за игрой в крибидж. Она знала: для того, чтобы ее не прогнали, нужно сидеть тихо и чем-нибудь помогать игрокам. Если они хотели пива, она приносила холодное пиво из ледника. Она переставляла колышки на доске, чтобы им не нужно было лишний раз наклоняться. Переставляя колышки, она вслух произносила счет. А мужчины почти не разговаривали.

Иногда Ангус говорил:

– Ну это же надо – чтобы так везло, а? Иногда он говорил:

– У безрукого руки и то лучше работают. А иногда:

– Ну кто так сдает? Просто дрянь, а не карты. Отец Рут порядочно обыгрывал Ангуса. Тот положил свои карты на столик и рассказал ужасный анекдот.

– В общем, как-то раз пошли мужики порыбачить и здорово набрались, – начал Ангус. Отец Рут тоже положил карты на стол и откинулся на спинку стула. Ангус старался вложить в интонацию многозначительность: – Так вот, рыбачат, значит, эти мужики. И все у них складно да ладно, ну и надираются помаленьку. В общем, напились в зюю. Так надрызгались, что один из них – ну, скажем, мистер Смит – свалился за борт и потонул. Черт! Ну все, приехали. Какая уж тут развеселая рыбалка, коли приятель потонул? В общем, тяпнули они еще и сильно загоревали, потому как никому неохота топать к миссис Смит и сообщать ей, что ее супругник утоп.

– Какой же ты гадкий, Адамс, – прервал его отец Рут. – Разве можно сегодня такой анекдот рассказывать?

Ангус, как ни в чем ни бывало, продолжал:

– И тут одного мужика осенило. Он и говорит: «Может, нам Балабола Джонса попросить, чтоб он сообщил миссис Смит эту страшную новость?» А у них в городке есть такой малый, Джонс, страшный говорун. Язык без костей. «Балабол Джонс все расскажет миссис Смит про ее супруга, да притом так, что она и не огорчится вовсе». Остальные думают: «Ну, это просто класс!» Ну, находят они этого Балабола Джонса. Он соглашается: «Все сделаем, без проблем». В общем, наряжается этот Балабол Джонс в свой самый лучший костюм, галстук нацепил, шляпу. И топает, значит, к миссис Джонс. Стучит в дверь. Она открывает. Балабол Джонс к ней обращается: «Прошу прощенья, мэм, а не вы ли будете вдова Смит?»

Отец Рут от смеха чуть пивом не захлебнулся. Комья пены упали на карточный столик. Ангус Адамс поднял руку. Анекдот еще не был закончен, и он рассказал его до конца.

– Дамочка говорит: «Ну да, я миссис Смит, но я не вдова!»

А Балабол Джонс ей и говорит: «Черта с два вы не вдова, милочка!»

Рут мысленно поиграла с последним словом: «*милочка*», «*миши-лоо-чка*».

⁵ Крибидж – карточная игра, в которой для подсчета очков используется доска с дырочками и колышками.

– Ох, ну и жуть. – Отсмеявшись, отец Рут вытер губы. – Просто жуть, Ангус. Господи, ну надо же было тебе рассказать такой кошмарный анекдот. Просто не верится, как ты такой анекдот мог выдать именно сегодня. Ох, Господи Иисусе...

– А что такого, Стэн? Думаешь, похоже на кое-кого из наших знакомых? – хмыкнул Адамс и вдруг странным фальцетом спросил: – Не вы ли будете вдова Поммерой?

– Ангус, это просто жуть, – выдавил отец Рут, расхохотавшись еще пуще.

– Ничего тут жуткого нету. Просто анекдотец рассказал, подумаешь.

– Ты жуткий, Ангус. Ты жуткий.

Они еще долго хохотали. А потом снова стали играть в крибидж и немного притихли.

Иногда отец Рут восклицал:

– Господи Иисусе! Иногда он ворчал:

– Пристрелить меня надо за такую игру! В итоге Ангус Адамс выиграл одну партию, а Стэн Томас – две. Они обменялись какой-то мелочью. Рут убрала доску для крибиджа в шкафчик в отцовской спальне. Ангус Адамс сложил карточный столик и убрал его за диван. Мужчины перешли в кухню и сели за стол. Рут вернулась. Отец похлопал ее по попке и сказал Ангусу:

– Вряд ли Поммерой оставил своей жене хоть какие-то денежки. Небось она даже за этот отличный гроб не расплатилась, который сколотил твой братец.

Ангус Адамс фыркнул:

– Шутишь? Ясное дело, Поммерой женошке ни гроша не оставил. Ни гроша нету у этой чертовой семейки. И на похороны ни гроша не было, и на гроб. Даже на то не было, чтобы ветчинную кость купить и натереть этому идиоту задницу, чтобы псы утащили его труп.

– Надо же, – сильно побледнев, выговорил отец Рут. – Не знал, что так принято делать. Это что, традиция такая?

Ангус Адамс расхохотался и сказал, что Стэн жуткий.

– Это я-то жуткий? – возмутился Стэн. – Я жуткий? Это ты жуткий.

Обоим это показалось ужасно смешным. Они долго хохотали. Отец Рут и Ангус Адамс, закадычные приятели, весь вечер обзывали друг дружку: «Жуткий!» – «Жуткий!» – их это словно бы утешало. Они обзывали друг дружку: «жуткий», «гнилой», «пропащий».

Они сидели допоздна, и Рут сидела с ними, пока не расплакалась, потому что хотела спать, но старалась не заснуть. Неделя выдалась долгая и тяжелая, а ей было всего девять лет. Она была спокойной и крепкой девочкой, но она побывала на похоронах, слушала разговоры, которые ей были непонятны, и вот теперь, уже за полночь, усталость охватила ее.

– Эй, – проговорил Ангус. – Рути? Рути? Ну, не плачь. Что такое, а? А я думал, мы с тобой друзья, Рути.

– Бедняжка, – сказал отец Рут.

Он усадил ее на колени. Ей хотелось перестать плакать, но не получалось. Ей было очень стыдно. Она терпеть не могла, чтобы ее слезы кто-то видел. Но она плакала и плакала, пока отец не послал ее в гостиную за колодой карт, а потом снова взял на руки и попросил стасовать их. В эту игру они играли, когда Рут была совсем маленькая. А сейчас она была слишком большая, чтобы сидеть на руках у отца и тасовать карты, но это ее немного утешило.

– Ну, будет тебе, Рути, – сказал Ангус. – Улыбнись уже.

Рут попробовала улыбнуться, но улыбка получилась так себе. Тогда Ангус попросил, чтобы Рут и ее отец разыграли для него самую смешную сценку, которую он просто обожал. И они разыграли эту сценку.

– Папоцка, папоцка, – пропищала Рут голосом маленькой девчушки. – А почему это другие детки ходят в школу, а я дома сизу?

– Заткнись и карты сдавай, – прорычал ее отец. Ангус Адамс хохотал до упаду.

– Жуть! – восклицал он. – Вы оба жуткие!

2

Когда омар обнаруживает, что он пойман (а обнаруживает он это очень быстро), он сразу утрачивает всякий интерес к наживке и начинает бродить по ловушке и искать способ выбраться наружу.

«Ловля омаров в штате Мэн»,

Джон Н. Кобб, агент рыболовной комиссии США, 1899

Прошло девять лет.

Когда Рут Томас подросла, ее отправили в частную школу для девочек, расположенную в далеком штате Делавэр. Училась она хорошо, но не блестяще, как того можно было ожидать – при ее-то уме. Она вкладывала в учебу ровно столько труда, сколько было нужно для получения приличных отметок, но ни на йоту больше. Она не хотела, чтобы ее посылали в эту школу, хотя для нее так было лучше. В то время, в тысяча девятьсот семидесятых, на острове Форт-Найлз дети ходили в школу только до тех пор, пока им не исполнялось тринадцать лет. Для большинства мальчиков (то есть будущих добытчиков омаров) этого было более чем достаточно. А для других – для девочек и более или менее способных мальчиков – нужно было что-то предпринимать. Как правило, их отправляли на материк, к какой-нибудь родине в Рокленд, и там они ходили в государственную среднюю школу. На остров они приезжали только на долгие каникулы или летом. Отцы навещали их в Рокленде, отвозя туда омаров на продажу.

Такой вариант Рут Томас был больше по душе. Средняя школа в Рокленде ее бы вполне устроила. Она, собственно, и ожидала, что ее пошлют туда. Но для нее сделали исключение, очень дорогостоящее исключение – частное образование вдали от дома. Мать Рут, которая теперь жила в Конкорде, штат Нью-Гемпшир, считала, что девочка должна в своей жизни увидеть что-то еще, помимо рыбаков, пьянства, невежества и сурового климата. Отец Рут угрюмо и молчаливо дал согласие, так что у нее не было выбора. Она уехала в эту частную школу, ни от кого не скрывая, что это ей совсем не нравится. Она читала книжки, учила математику, не обращала внимания на других девочек. Каждое лето она приезжала на остров. Мать предлагала другие варианты, ну, к примеру, летний лагерь, путешествия, поиск интересной работы, но Рут от всего этого отказалась настолько решительно, что мать от нее отстала.

Рут Томас для себя твердо решила, что ее место – на острове Форт-Найлз, только там, и нигде больше. Для нее было принципиально важно то, что на Форт-Найлзе она чувствовала себя счастливой, хотя чаще всего она там жутко скучала. Находясь вдали от острова, она по нему тосковала, но стоило Рут туда вернуться, как вдруг обнаруживалось, что ей там положительно нечем заняться. Как только она возвращалась домой, она первым делом отправлялась на долгую прогулку по берегу («Я об этом весь год мечтала!» – говорила она), однако прогулка длилась всего несколько часов, а о чем она думала во время прогулки? Да почти ни о чем. Там она видела чайку, там – тюленя, потом – еще одну чайку. Местность была ей знакома, как потолок в ее спальне. Она уходила на берег с книжкой, утверждая, что обожает читать под шум прибоя, но вот ведь беда: на земле существовало немало мест, куда более приятных для чтения, нежели мокрые прибрежные камни, поросшие морскими желудями. Когда Рут находилась в Делавэре, родной остров виделся ей далеким раем, но стоило ей вернуться – она видела, что здесь холодно, сыро, ветрено и неудобно.

И тем не менее всякий раз, когда Рут оказывалась на Форт-Найлзе, в письмах матери она часто писала: «Наконец-то я снова могу дышать!»

Более всего в отношении Форт-Найлза Рут испытывала чувство протеста, чувство обиды на тех, кто усил ее отсюда – предположительно, ради ее блага. Рут предпочла бы сама решить, что для нее составляет благо. Она была уверена в том, что знает себя лучше, чем кто бы то

ни было, и поэтому, если бы ей дали свободу, она бы сама смогла сделать правильный выбор. Уж точно, она не решила бы отправиться в элитарную частную школу за сотни миль от родного острова – в школу, где девочек больше всего интересовала забота о собственной коже и лошадях. Рут Томас лошади совсем не интересовали. Она была не такая. Она любила лодки и катера – по крайней мере, она так все время говорила. Она любила Форт-Найлз. Она любила рыбачить.

На самом деле Рут, приезжая на остров, помогала отцу ловить омаров, и ничего волшебного в этом не было. Она была достаточно крепкой и сильной для этой работы, но ее убивало однообразие. Работа помощника заключалась в том, чтобы стоять на корме, вытягивать ловушки, вынимать из них омаров, закреплять в ловушках свежую наживку, опускать их в воду и вытягивать другие. И еще, и еще. Это означало, что надо проснуться до рассвета и жевать сэндвичи на завтрак и ланч. Это означало, что перед глазами у тебя постоянно будет одно и то же, день за днем, что ты уплывешь не дальше пары миль от берега. Это означало долгие часы в лодке наедине с отцом, а с отцом Рут не очень-то ладила.

Они слишком о многом спорили, большей частью о всяких глупых мелочах. Отец Рут, перекусив сэндвичами, выбрасывал пакет за борт, а Рут это жутко бесило. Следом за пакетом отец выбрасывал банку от содовой. Она кричала на отца, ругала его на чем свет стоит. Он что-то бурчал в ответ, хмурился, а потом молчал до конца ловли. А иногда он вставал на дыбы и до конца ловли ворчал на Рут и отчитывал ее. Дескать, она недостаточно быстро все делает, и с омарами обращается грубо, и в один прекрасный день она наступит на неаккуратно свернутые веревки и рухнет за борт и утонет, если будет такая рассеянная. В общем, в таком духе.

Как-то раз, в один из первых приездов на остров на каникулы, Рут предупредила отца, что «по левому борту» плывет бочонок, и отец поднял ее на смех.

– «По левому борту?» – передразнил он дочку. – Тут тебе не морской флот, Рут. Левый борт, правый борт – без разницы.

Самое главное – чтобы ты мне не мешала.

Рут действовала отцу на нервы даже тогда, когда особо не старалась, хотя иногда она и нарочно пыталась его разозлить, лишь бы убить время. Как-то раз летом они вытаскивали одну ловушку за другой, но ни в одну не попались омары. Водоросли, крабы, мидии – и больше ничего. Но вот наконец из девятой или десятой ловушки Рут достала самца омара приличного размера.

– Папочка, что это такое? – спросила она невинно, держа в руке омара. – Никогда раньше не видела. Может, отвезем его в город и продадим кому-нибудь?

– Не смешно, – буркнул ее отец, хотя Рут сочла свою шутку очень удачной.

В лодке противно воняло. Холодно было даже летом. В плохую погоду лодка качалась и подпрыгивала, и у Рут болели ноги из-за того, что все время нужно было держать равновесие. Лодка была маленькая, в ней негде было укрыться. Рут приходилось писать в ведро и выливать мочу за борт. Руки у нее вечно мерзли, и отец орал на нее, если она просила немного подождать, пока согреет руки у выхлопной трубы лодочного мотора. «Я никогда не работаю в перчатках, – сердито говорил отец, – даже в декабре. И чего это ты мерзнешь в июле?»

Но когда мать спрашивала у Рут, как бы она хотела провести лето, та неизменно отвечала, что хочет ловить омаров с отцом.

– Хочу поработать с папой, – отвечала Рут. – Мне по-настоящему хорошо только в море.

Что касалось ее отношений с другими островитянами, то они, пожалуй, не так уж хорошо ее понимали, как она о том говорила матери. Рут любила миссис Поммерой, любила братьев Адамсов, и они любили ее. Но она большую часть года проводила в Делавере, и остальные жители острова ее почти забыли. Хуже того, ее перестали считать своей. Она стала непохожей на других островитян. Правду сказать, она с самого начала была на них не очень-то похожа. Она росла какой-то закрытой, обособленной, не такой, скажем, как мальчишки Поммерой,

которые дрались, орали и были понятны для всех. А теперь Рут подолгу не бывала на острове и даже разговаривать стала по-другому. Она прочла уйму книжек. Многим островитянам она казалась воображалой.

Рут окончила школу-пансион в конце мая тысяча девятьсот семьдесят шестого. У нее не было никаких планов на будущее, кроме как вернуться на Форт-Найлз. Она считала, что ее место там. Она и не думала о поступлении в колледж. Она даже не заглянула ни в один из буклетов разных колледжей, которые лежали повсюду в школе, не стала прислушиваться к советам учителей, не обратила внимания на робкие намеки матери.

В мае тысяча девятьсот семьдесят шестого Рут Томас исполнилось восемнадцать. Ее рост был пять футов и шесть дюймов. Блестящие, почти черные волосы до плеч. Каждый день она собирала их в хвостик. Волосы у нее были такие крепкие, что ими можно было пуговицу пришить вместо ниток. Округлое лицо, широко поставленные глаза, небольшой нос, длинные, пушистые ресницы. Кожа у нее была смуглее, чем у всех остальных жителей Форт-Найлза, и летний загар получался темным, почти коричневым. Она была крепко сложена и немного полновата для своего роста. Бедра у нее были несколько широковаты, но ее это не слишком огорчало. Она, в отличие от других девочек в делаверской школе, совершенно не переживала из-за своей фигуры. Она прекрасно спала. Она была независима и насмешлива.

Когда восемнадцатилетняя Рут, независимая и насмешливая, возвратилась на Форт-Найлз, она прибыла на борту отцовской омаровой лодки. От автобусной остановки отец вез ее на старом-престаром ржавом грузовичке. Этот грузовичок он обычно парковал у стоянки паромов и пользовался им для своих дел и для покупок, когда приезжал в город, а такое бывало примерно раз в две недели. Встретив Рут, он получил от нее шуточный поцелуй и тут же объявил, что они сейчас подъедут к бакалейному магазину за продуктами, и вдобавок ему надо будет чертовски потолковать по душам с этим чертовым оптовым торговцем, мерзким ублюдком.

– Ты же знаешь, что нам там надо, – сказал он дочери. – Нам там надо потратить пятьдесят баксов.

Затем он объяснил Рут, почему этот чертов оптовик – мерзкий ублюдок. Все это Рут слышала раньше в мельчайших подробностях, слово в слово. Слова отца пролетали мимо ее ушей, и она думала о том, как это странно, что отец, не видевший ее несколько месяцев, даже не спросил, как прошла выпускная церемония. Нет, она знала, что его такие вещи не интересуют. И все-таки это было странно.

На лодке до Форт-Найлза они плыли четыре часа с лишним, и все это время Рут с отцом почти не разговаривали, потому что слишком громко работал мотор, и к тому же Рут приходилось то и дело ходить по скользкому настилу на корме и смотреть за тем, чтобы коробки с припасами не свалились за борт и не промокли от брызг. Она думала о своих планах на лето. Планов на лето у нее не было. Когда они загружали продукты в лодку, отец сообщил ей, что он нанял на сезон лова помощником Робина Поммероя. Ну надо же? Не кого-нибудь, а именно Робина Поммероя. У отца Рут не было работы для дочери. Но хотя она и поворчала на него из-за того, что он ее «уволит», втайне все же порадовалась, что не придется ему помогать. Если бы он попросил ее поработать с ним, она бы согласилась – исключительно из принципа, но никакого удовольствия она бы от этой работы не получила. Так что новость в некотором роде принесла ей облегчение. Однако теперь нужно было решить, куда девать время. В своих способностях рулевого она не была уверена настолько, чтобы подойти к другому рыбаку и наняться на работу, даже если бы она действительно этого жутко хотела. На самом же деле она этого просто жутко не хотела. Помимо всего прочего отец ей сказал о том, что помощники на Форт-Найлзе в данный момент у всех имеются. За несколько недель до возвращения Рут все старики на острове подыскивали себе молодых парней для тяжелой работы на корме.

– Может, что-то и найдется для тебя, если кто-то из молодых страдает морской болезнью или устанет, – прокричал неожиданно отец Рут на полпути до Форт-Найлза.

– Ну да, может быть, тогда и поработаю, – прокричала в ответ Рут.

Она уже прокручивала в уме ближайшие три месяца и (кого она пыталась обмануть?) всю свою жизнь до самого конца – и абсолютно ничего не могла представить. «Господи боже!» – подумала Рут. Она сидела спиной к отцу на коробке с консервами. День выдался туманный, и Рокленд давно скрылся из глаз, а другие острова (обитаемые и необитаемые), мимо которых они проплывали так медленно и так *громко*, казались Рут маленькими, коричневыми и влажными, как какашки. Она гадала, сможет ли найти еще какую-то работу на Форт-Найлзе, хотя сама мысль о какой-то работе на Форт-Найлзе помимо ловли омаров была смешна. *Ха-ха*.

«Что же я буду делать? Куда мне девать время?» – думала Рут. Лодка качалась и подпрыгивала на волнах холодного Атлантического залива, и Рут чувствовала, как подкрадывается такое жуткое и знакомое чувство тоски и скуки. Насколько она понимала, заняться ей будет нечем, а она отлично представляла, что это значит. Нечего делать – это означало водить компанию с теми немногочисленными островитянами, которым тоже нечего делать. Рут отлично это понимала. Все лето ей предстояло общаться с миссис Поммерой и Сенатором Саймоном Адамсом. Она очень ярко себе это представляла. «Не так уж это ужасно», – уговаривала она себя. Миссис Поммерой и Сенатор Саймон были ее друзьями; она их очень любила. С ними можно было поговорить о многом. Уж они-то точно станут расспрашивать ее о выпускной церемонии. Не так уж будет скучно, правда.

И все же неприятное, тягучее чувство надвигающейся тоски не покидало Рут. У нее сосало под ложечкой, как будто ее укачало в лодке. В конце концов она подавила эту тоску, начав сочинять в уме письмо матери. Это письмо она напишет вечером, в своей спальне. Письмо будет начинаться так: «Дорогая мамочка. Как только я сошла на берег Форт-Найлза, я сразу же расслабилась, все напряжение как рукой сняло, и я наконец, за долгие месяцы, начала дышать полной грудью. Воздух здесь пахнет надеждой!»

Именно так она и напишет. Это решение Рут приняла, сидя на корме отцовской омаровой лодки ровно за два часа до того, как впереди завиднелся Форт-Найлз, и потом до конца плавания она мысленно сочиняла письмо – невероятно поэтичное. Это занятие ее прекрасно ободрило.

Тем летом Сенатору Саймону Адамсу исполнилось семьдесят три года, и он занимался осуществлением особого проекта. Проект был амбициозный и чудаческий. Сенатор собирался найти бивень слона, лежащий где-то в приливной зоне на берегу Поттер-Бича, считая, что там, возможно, лежат даже два бивня, хотя, как он заявлял, он был бы рад и одному.

Убежденность Сенатора Саймона в том, что за сто тридцать восемь лет такой прочный материал как слоновая кость нисколько не пострадал в морской воде, придала ему уверенности в поисках. Он знал, что бивни где-то лежат. Возможно, они были отделены от скелета и друг от друга, но они не могли разложиться. Они не могли раствориться. Либо они лежат под слоем песка далеко в море, либо их вынесло на берег. Сенатор Саймон полагал, что бивни вполне могло принести к острову Форт-Найлз. Такую редкость, такую диковинку как слоновые бивни вполне могло прибить течением прямо к берегу Поттер-Бича. Выбрасывало же туда несколько веков подряд всякий мусор. Почему бы и бивни не могли там оказаться?

Бивни, которые вознамерился найти Сенатор, некогда принадлежали слону, а этот слон был пассажиром на пароходе «Клэрис Монро», водоизмещением четыреста тонн. Этот пароход проходил поблизости от пролива Уорти в конце октября тысяча восемьсот тридцать восьмого года. Событие это для тех времен было знаменательное. Этот колесный пароход с деревянной обшивкой загорелся вскоре после полуночи во время внезапно налетевшей метели. Пожар на

борт мог быть вызван всего-навсего тем, что перевернулся фонарь, и штормовой ветер разнес пламя по судну. Очень скоро вся палуба была охвачена огнем.

Капитан «Клэрис Монро» был пьяницей. Конечно, пожар не был его виной. Виноват он был в своих неправильных действиях. Он постыдно трусил. Не разбудив ни команду, ни пассажиров, он приказал одному из вахтенных матросов спустить на воду одну-единственную спасательную шлюпку, в которой он сам, его жена и вышеупомянутый матрос уплыли прочь от горящего парохода. Капитан бросил несчастную «Клэрис Монро», пассажиров и груз на произвол судьбы. Трое уцелевших людей заблудились в штормовом море. Они гребли целый день, потом устали грести, а потом еще целый день дрейфовали. Когда их подобрал торговый корабль, капитан умер от потери сил, его жена обморозила руки, ноги и уши, а молодой матрос напрочь лишился рассудка.

Лишившись капитана, горящий пароход «Клэрис Монро» налетел на скалы у острова Форт-Найлз и разбился. Никто из девяти семи пассажиров не выжил. На берег Поттер-Бича вынесло много трупов и деревянных обломков парохода. Мужчины с острова Форт-Найлз вытащили трупы из воды, обернули брезентом и уложили в ледник. Некоторых утопленников опознали родственники, прибывшие на Форт-Найлз на пароме, и увезли тела своих братьев, жен и детей. Тех бедолаг, которых никто не опознал, похоронили на форт-найлзском кладбище под небольшими гранитными плитами, на которых было высечено одно единственное слово: «УТОНУЛ».

Но утонули не только люди. Пароход «Клэрис Монро» вез из Нью-Брунсвика в Бостон маленький цирк: шесть белых цирковых лошадей, несколько дрессированных обезьян, одного верблюда, дрессированного медведя, группу дрессированных собак, клетку с тропическими птицами и африканского слона. Когда горящий корабль развалился на части, цирковые лошади поплыли к берегу по штормовому морю. Три из них потонули, а остальные выбрались на берег острова Форт-Найлз. К утру море утихло, и все жители острова увидели, как три великолепные белые кобылы пытаются взобраться вверх по заснеженным валунам.

Больше никто из животных не выжил. Обезумевший молодой матрос с парохода «Клэрис Монро», которого нашли в шлюпке вместе с мертвым капитаном и его полубомороженной женой, упорно заявлял, что своими глазами видел, как слон спрыгнул с горящей палубы и уверенно поплыл по бурному морю. Матрос видел, как слон, издав последний мощный трубный звук, исчез под волнами.

Как уже упоминалось выше, этот матрос на момент спасения был не в своем уме, но некоторые все же в эту историю поверили. Сенатор Саймон Адамс ни разу не усомнился в ее правдивости. Рассказ о катастрофе он услышал в раннем детстве и был им совершенно зачарован. Вот эти самые бивни того самого циркового слона Сенатор и собрался разыскать теперь, сто тридцать восемь лет спустя, весной тысяча девятьсот семьдесят шестого года.

Он мечтал хотя бы один бивень выставить для обозрения в форт-найлзском музее естествознания. В тысяча девятьсот семьдесят шестом году никакого форт-найлзского музея естествознания не существовало, но Сенатор над этим работал. Он много лет собирал разные предметы и образцы для музея и хранил их в подполе. Идея целиком принадлежала ему. Никто его не поддерживал в его начинаниях, так что он был единственным куратором. Он считал, что слоновый бивень станет самым впечатляющим экземпляром в его коллекции.

Ясное дело, сам заниматься поисками бивней Сенатор никак не мог. Он был крепким стариком, но все же целыми днями копать в прибрежном иле ему было не по силам. Даже будь он помоложе, ему все равно не хватило бы храбрости войти хотя бы по колено в заиленную воду у берега Поттер-Бича. Он ужасно боялся воды. И он обзавелся помощником – Вебстером Поммером.

Тем летом Вебстеру Поммеру было двадцать три года, и делать ему было все равно нечего. Каждый день Сенатор и Вебстер отправлялись на Поттер-Бич, и там Вебстер искал

слоновые бивни. Дело это было как раз для него, потому что больше он ничего делать не умел. Парень он был вялый, робкий, да к тому же страдал морской болезнью, что не позволяло ему стать ловцом омаров или рулевым, но это еще куда ни шло. С Вебстером Поммером что-то было не так. Это все видели. Что-то стряслось с Вебстером в тот день, когда он увидел мертвое тело отца – безглазое и распухшее – на форт-найлзской пристани. В этот момент Вебстер словно бы сломался, разлетелся на куски. Он перестал расти, перестал развиваться, почти перестал разговаривать. Он стал дерганным, нервным – в общем, местная трагедия. В двадцать три года он был худеньким и маленьким, как четырнадцатилетний мальчуган. Словно навсегда застрял в детстве, в том мгновении, когда увидел мертвого отца.

Сенатор Саймон Адамс искренне переживал за Вебстера Поммера. Он хотел помочь парнишке. Вебстер разрывал старику сердце. Сенатор чувствовал: парню нужно какое-то занятие. Он присматривался к Вебстеру несколько лет, поскольку не так просто было понять, к чему у Вебстера есть способности (если вообще они есть). И единственное, до чего додумался Сенатор, – взять Вебстера себе в помощники для осуществления проекта создания музея естествознания.

Сначала Сенатор послал Вебстера по домам жителей острова и велел ему спрашивать, не пожертвуют ли они музею какие-нибудь вещицы или находки, но Вебстер был жутко стеснительный и с заданием не справлялся. Он стучал в дверь, но как только дверь открывали, он стоял на пороге, лишившись дара речи и неловко переминаясь с ноги на ногу. Все местные домохозяйки его пугались. Вид у него был такой, словно он, того и гляди, разрыдается. Словом, сборщик музейных экспонатов из него получился никакой.

Потом Сенатор попробовал приспособить Вебстера к постройке хранилища для постоянно растущей коллекции экспонатов на заднем дворе дома Адамсов. Плотника из Вебстера тоже не вышло. Ни силенок, ни умения. У него руки дрожали – какой из него мог получиться строитель? От такого помощника толку было меньше, чем от совсем никакого. Он был опасен и для самого себя, и для других, роняя то пилу, то дрель, вечно попадая молотком по своим пальцам. В итоге Сенатор от строительных работ Вебстера отстранил.

Какие бы занятия ни придумывал Сенатор для Вебстера, у того ничего не получалось, и выходило, что он совсем ничего не умеет делать. Почти девять лет понадобилось Сенатору, чтобы понять, к чему у Вебстера есть способности. Вебстер умел возиться в грязи.

На Поттер-Биче илистой грязи было немало, и полностью она обнажалась при отливе. При самых больших отливах площадь ила составляла более десяти акров. Широкое и ровное поле, пахнущее едкой кровью. Время от времени мужчины выкапывали из ила моллюсков и довольно часто находили сокровища – обломки старинных кораблей, деревянные поплавки, сапоги, кости, бронзовые ложки, древние железные орудия. Заливчик с илистым берегом был чем-то вроде магнита для потерянных вещей, и именно там Сенатор решил искать слоновые бивни. Почему бы им там не лежать? Где еще они могли оказаться?

Сенатор спросил Вебстера, не желает ли тот побродить по илистому берегу, как бродят собиратели моллюсков, для систематического сбора экспонатов? Не мог бы Вебстер обследовать приливную зону заливчика Поттер-Бич, надев высокие рыбацкие сапоги? Не трудна ли ему будет такая работа? Вебстер Поммерой пожал плечами. Он не испугался и не расстроился. Вот так началась его работа по прочесыванию илистого берега. И в этом деле у него проявился блестящий талант.

Как выяснилось, Вебстер Поммерой мог бродить по любой грязи, передвигаться, даже если ее по грудь. Он перемещался по грязи, словно судно, специально созданное для этой цели, и находил удивительные сокровища – наручные часы, акулий зуб, череп кита, совершенно целую тачку. День за днем Сенатор сидел на камнях у берега и наблюдал за работой Вебстера. Каждый день летом тысяча девятьсот семьдесят пятого года Сенатор смотрел, как Вебстер Поммерой копается в грязи.

В конце мая тысяча девятьсот семьдесят шестого, когда Рут Томас вернулась домой после окончания школы-пансиона, Сенатор с Вебстером уже снова приступили к раскопкам. Заняться Рут было нечем – ни работы, ни друзей-ровесников, – и у нее вскоре вошло в привычку каждое утро отправляться на Поттер-Бич и смотреть, как Вебстер Поммерой роется в прибрежном иле. Рут устраивалась рядом с Сенатором Саймоном Адамсом на берегу, и они просиживали там часами. А в конце дня втроем возвращались в поселок.

Странная это была троица – Сенатор, Рут и Вебстер. Собственно, Вебстер в любой компании смотрелся бы странно. У Сенатора Саймона Адамса, мужчины великанского роста, голова была неправильной формы, словно его когда-то здорово треснули по башке и она так и не выправилась. Насчет своего здорового мясистого носа Сенатор сам любил пошутить: «Что я мог поделывать с таким носом? Мне его на день рождения преподнесли». А еще он часто потирал свои большие узловатые руки. Тело у него было крепкое, однако время от времени его мучили приступы страха. Сам себя он именовал чемпионом по трусости. Порой у него был такой вид, будто сейчас кто-нибудь выскочит из-за угла и стукнет его. А с Рут Томас все было наоборот. Она частенько выглядела так, словно готова врезать по физиономии любому, кто выскочит из-за угла.

Порой, сидя на берегу и глядя на великана Сенатора Саймона и худышку Вебстера Поммероя, Рут гадала: что ее связывает с этими двумя слабыми и странными людьми? Как они стали ее закадычными друзьями? Что подумали бы девочки в Делавере, если бы узнали об этой маленькой компании? Нет, она совсем не стыдилась ни Сенатора, ни Вебстера. Перед кем ей могло быть стыдно здесь, на острове Форт-Найлз? Но эти двое были чужаками, и любой посторонний человек, увидев эту троицу, мог бы и Рут Томас счесть чужачкой.

И все же она ловила себя на том, что любит Вебстера Поммероя, бродящим по илу и разыскивающим слоновый бивень. Рут ни капельки не верила в то, что он найдет бивень, но наблюдать за его работой было забавно – было на что посмотреть.

– Между прочим, работа у него опасная, – говорил Сенатор Рут, когда они смотрели на Вебстера, все глубже погружавшегося в ил.

Это действительно было опасно, но Сенатор не вмешивался даже тогда, когда Вебстер погружался в ил по пояс, наклонялся, опускал руки и шарил ими по дну. Сенатор, конечно, нервничал, и Рут тоже нервничала, а Вебстер стоически, бесстрашно бродил по грязи. На самом деле именно в такие моменты он переставал дергаться. В грязи он был спокоен, он ничего не боялся. Порой казалось, что он тонет. Он делал паузы в поисках, а потом начинал медленно погружаться в ил. Это было страшно. Сенатор и Рут Томас замирали. Им казалось, что они могут его потерять.

– Не пойти ли за ним? – робко спрашивал Сенатор.

– Я в эту долбаную грязь не полезу, – отвечала Рут. – Ни за что.

(К восемнадцати годам Рут стала часто сквернословить, чему отец удивлялся: «Где это ты таких треклятых словечек поднабралась?», – а Рут огрызалась: «Тоже мне, треклятая тайна!»)

– Ты уверена, что с ним все в порядке? – спрашивал Сенатор.

– Нет, – отвечала Рут. – Думаю, он может утонуть. Но я за ним не полезу, и вы тоже. Ни за какие коврижки не полезу в эту гребаную грязь.

Она ни за что не полезла бы туда, где могли жить омары, мидии и морские черви невероятных размеров. Одному Богу было известно, кто там еще мог обитать, в этом мерзком иле. Когда на остров Форт-Найлз прибыли шотландцы, они вставали на прибрежные камни и длинными баграми вылавливали из ила живых омаров ростом с человека. В своих дневниках они приводили описания чудовищных пятифутовых омаров, древних, как аллигаторы, и покрытых толстой коркой ила. Веками никто не тревожил этих омаров, вот они и вырастали до таких невероятных размеров. Вебстер, рывшийся в иле голыми руками, порой находил окаменевшие клешни омаров размером с бейсбольную перчатку. Он вынимал из ила раковины мидий раз-

мером с дыню, устриц, морских собак, дохлую рыбу. Рут Томас ни за что не полезла бы туда. Увольте.

В общем, Сенатору и Рут Томас приходилось сидеть и смотреть, как Вебстер едва не тонет. Что они могли сделать? Ничего. Они следили за ним в напряженном молчании и тишине – лишь иногда чайка пролетит. Они смотрели и ждали, и порой у них сердце сжималось от страха. А Вебстер, бродя по илу, ничего никогда не боялся. Время от времени останавливался по пояс в грязи и ждал. Он словно бы ждал чего-то неведомого – чего-то такого, что будет искать долго, но потом обязательно найдет. А может быть, оно найдет его. Немного постояв, Вебстер шел дальше по вязкому илу.

Рут не понимала, как он это делает. С берега казалось, будто со дна поднимался мостик, касался босых ступней Вебстера, а потом медленно и плавно переносил его в безопасное место. С берега все выглядело красиво.

Почему он никогда не застревал в иле, почему его не засасывало? Почему он ни разу не порезал ноги и руки ракушками, битым стеклом, не поранился о клешни омаров, о железо, камни? Все скрытые на дне угрозы словно бы учтиво расползались в стороны, давая дорогу Вебстеру Поммерою. Конечно, опасность грозила ему не всегда. Иногда он бродил в таких местах, где ил доходил ему только до лодыжек, у самого берега, и равнодушно смотрел себе под ноги. За этим наблюдать было скучно. Когда становилось совсем скучно, Сенатор Саймон и Рут, сидя на прибрежных камнях, заводили какой-нибудь разговор, как правило, про карты, путешествия, кораблекрушения и поиски сокровищ. Об этом Сенатор любил говорить больше всего, особенно о кораблекрушениях.

Как-то раз, ближе к вечеру, Рут сказала Сенатору о том, что, наверное, попытается найти работу помощницы на омаровой лодке. Это было не очень правдиво, хотя именно так Рут написала в длинном письме к матери днем раньше. Ей *хотелось* захотеть работать на омаровой лодке, но не таково было ее истинное желание. Она сказала об этом Сенатору только потому, что ей нравилось, как это звучит.

– Я подумываю, – сказала она, – поискать работу на омаровой лодке.

Сенатор сразу разнервничался. Он не мог слушать, как Рут говорит о море и о лодках. Он жутко переживал даже тогда, когда Рут с отцом отправлялась на день в Рокленд. Всякий раз, когда Рут помогала отцу в ловле омаров, Сенатор расстраивался. Каждый день он представлял себе, что она свалится за борт и утонет, что лодка может перевернуться и затонуть или разразится жуткий шторм и ее с отцом смоет за борт волной. И когда Рут обмолвилась о работе на омаровой лодке, Сенатор сказал, что он этого не переживет – так страшно ему, что она погибнет в море. Он сказал, что, будь его воля, он бы строго-настрого запретил Рут работать на омаровой лодке.

– Ты хочешь *погибнуть*? – спросил он. – Утонуть хочешь?

– Нет, я хочу заработать немного денег.

– Нет, ни за что. *Ни за что*. Не твое это дело. Если тебе нужны деньги, я тебе дам денег.

– Не самый достойный заработок.

– Но почему ты хочешь работать на лодке? С твоей-то головой? Лодки – это для балбесов вроде мальчишек Поммероев. Пусть они на лодках плавают. Знаешь, что тебе на самом деле нужно? Уезжай на материк и там оставайся. Живи хоть в Небраске. Я бы на твоём месте так и сделал. Убрался бы подальше от океана.

– Если ловля омаров годится для Поммероев, для меня тоже сгодится, – возразила Рут. На самом деле, она так не считала, но сказала просто из принципа.

– О, ради бога, Рут.

– Вы сами уговаривали мальчишек Поммероев стать моряками, Сенатор. Вы все время пытаетесь их пристроить на работу к рыбакам, твердите, что им стоит сплавать вокруг света. Почему же вы мне ничего такого не советуете, не вдохновляете меня?

– Я тебя вдохновляю.

– Но только не на то, чтобы стать рыбачкой.

– Я бы на себя руки наложил, если бы ты стала рыбачкой, Рут. Каждый божий день накладывал бы на себя руки.

– А если я хочу стать рыбачкой? Если я хочу стать моряком? Если я хочу поступить на службу в береговую охрану? Или, может быть, я хочу совершить кругосветное путешествие?

– Не хочешь ты ни в какое кругосветное путешествие.

Рут вовсе не хотела отправиться в плавание вокруг света.

Она просто болтала. Они с Сенатором часами вели разговоры о такой ерунде. День за днем. Ни она, ни Сенатор большого значения этой болтовне не придавали. Сенатор Саймон погладил по голове свою собаку и сказал:

– Вот и Куки говорит: «Ну какой из Рут мореплаватель? Рут не хочет быть мореплавателем» Ты ведь так сказала, Куки? Верно, Куки?

– Куки, не вмешивайся, – сказала Рут.

Примерно неделю спустя Сенатор снова заговорил на эту тему, когда они с Рут сидели на камнях и наблюдали за Вебстером. Сенатор и Рут всегда разговаривали так, словно ходили по одному кругу. На самом деле, это был один и тот же разговор, и вели они его с тех самых пор, когда Рут было около десяти лет. Они ходили и ходили по кругу, словно девочки-школьницы на перемене.

– Зачем тебе эта работа на омаровой лодке, ради всего святого, скажи? – спросил Сенатор Саймон. – Не застрянешь же ты на этом острове на всю жизнь, как Поммерои. Они глупые бедолаги. Ловить омаров – это все, чем они могут заняться.

Рут уже успела забыть, что говорила о том, будто собирается устроиться помощницей на омаровую лодку, но сразу стала защищаться:

– Женщина с этой работой справится не хуже мужчины.

– А я не говорю, что женщина не справится. Я говорю, что никому этой работой заниматься не стоит. Жуткая работа. Работа для идиотов. Если каждый решит стать добытчиком омаров, скоро вообще омаров не останется.

– Тут омаров для всех хватит.

– Ну уж нет, Рути. Ради всего святого, кто это тебе сказал?

– Папа.

– Ну, ему омаров хватит.

– Как это понимать?

– Да так, что он у нас Жадюга номер два. Он своего не упустит.

– Не обзывайте так моего папу. Он терпеть не может это прозвище.

Сенатор потрепал загривок Куки:

– Твой папочка – Жадюга номер два. А мой братец – Жадюга номер один. Все это знают. Даже Куки знает.

Рут перевела взгляд на Вебстера, бродящего по илу. Она ничего не ответила. Через несколько минут Сенатор Саймон сказал:

– Знаешь, на омаровых лодках даже спасательных шлюпок нет. Это для тебя небезопасно.

– Зачем же на омаровых лодках спасательные шлюпки? Омаровая лодка сама не намного больше шлюпки.

– Правда, и спасательная шлюпка человека не спасет...

– Вот уж нет. Конечно, спасательная шлюпка спасет человека. Спасательные шлюпки то и дело спасают людей, – уверенно заявила Рут.

– Даже если у тебя есть спасательная шлюпка, надо, чтобы тебя спасли как можно скорее. Если твою спасательную шлюпку найдут через час после кораблекрушения, тогда, конечно, все будет хорошо...

– Кто бы говорил о кораблекрушениях? – хмыкнула Рут, хотя она отлично знала, что примерно каждые три минуты Сенатор готов завести разговор о кораблекрушениях. О кораблекрушениях он с ней разговаривал годами.

Сенатор сказал:

– Если ты будешь в спасательной шлюпке и тебя не спасут в первый час, то твои шансы на спасение станут слабыми. Очень слабыми, Рути. И с каждым часом они будут становиться все слабее. Если после кораблекрушения ты проведешь в спасательной шлюпке весь день, можешь не сомневаться: тебя совсем не спасут. И что ты тогда будешь делать?

– Буду грести.

– Будешь грести. Ты будешь *грести*, когда проторчишь в спасательной шлюпке неведомо сколько времени? Когда солнце сядет, а никакого корабля, который тебя спасет, не будет видно? Ты будешь *грести*. Такой у тебя план?

– Ну, наверное, я что-нибудь придумаю.

– Что придумаешь? Что тут придумывать? Как догрести до ближайшего материка?

– Господи, Сенатор. Я никогда не заблужусь в море, сидя в спасательной шлюпке, клянусь.

– Когда происходит кораблекрушение, – не унимался Сенатор, – спасти тебя могут только случайно – если вообще спасут. И запомни, Рути: чаще всего пострадавшие при кораблекрушениях ранены. Это не то же самое, что спрыгнуть с корабля в штиль и немножко поплавать. У большинства жертв кораблекрушений сломаны ноги, или у них ужасные порезы или ожоги. И как ты думаешь, отчего в конце концов ты погибашь? Рут знала ответ.

– От упадка сил? – сказала она как бы наугад, нарочно, лишь бы продолжить разговор.

– Нет.

– Акулы?

– Нет. От нехватки пресной воды. От жажды.

– Это правда? – вежливо поинтересовалась Рут.

Но как только речь зашла об акулах, Сенатор на некоторое время умолк, а потом сказал:

– В тропиках акулы забираются прямо в лодку. Суют в лодку свой нос и принохиваются, как собаки. Но гораздо хуже акул барракуды. Допустим, ты потерпела кораблекрушение. Ты плывешь, ухватившись за обломок корабля. Подплывает барракуда и вонзает в тебя свои зубы. Ты можешь оторвать от себя барракуду, Рути, но не всю – ее голова останется. Барракуда – она как каймановая черепаха, Рути. У нее мертвая хватка. Даже подохнув, она не разжимает зубов. Это правда.

– Здесь мне ничего особо бояться барракуд, Сенатор. И вам из-за барракуд тоже переживать не стоит.

– Ну ладно, а как насчет сайды? Чтобы встретить сайду, не надо плыть в тропики, Рути. У нас тут сайды полным-полно. – Сенатор Саймон Адамс взмахнул рукой, указывая на открытое море. – А сайды охотятся стаями, как волки. А электрические скаты! Люди, уцелевшие после кораблекрушений, рассказывают, что гигантские электрические скаты подплывали прямо к спасательной шлюпке и целыми днями кружили рядом. Эти люди называют их рыбами-одеялами. Тут у нас можно встретить электрического ската, который будет побольше спасательной шлюпки. Скаты будут плавать вокруг тебя, словно тени смерти.

– Очень яркая картина, Сенатор. Замечательно.

Сенатор спросил:

– Что у тебя за сэндвич, Рути?

– С ветчинным салатом. Хотите половинку?

– Нет-нет. Ешь сама.

– Можете откусить кусочек.

– А чем намазано? Горчицей?

– Ну почему вы отказываетесь, Сенатор? Откусите немножко.

– Нет, нет. Ешь сама. Я тебе еще кое-что скажу. В спасательных шлюпках люди сходят с ума. Они теряют счет времени. Бывает, они проводят в спасательных шлюпках дней двадцать. Потом их спасают, и они с удивлением обнаруживают, что не могут ходить. У них гангрена, у них на ногах язвы, потому что кожа разъедена морской водой, они все в ранах после кораблекрушения, у них солнечные ожоги, и они в шоке, Рут, от того, что не могут ходить. Они не понимают, что с ними.

– Это называется галлюцинацией.

– Верно. Это галлюцинация. Именно так. А у некоторых людей, оказавшихся в одной спасательной шлюпке, бывает такое состояние, оно называется «коллективной галлюцинацией». Представь себе, что в спасательной шлюпке два человека, и оба сбрендили одновременно. Один говорит: «Сгоняю-ка я в забегаловку за пивком», перешагивает через борт и тонет. А второй говорит: «Я с тобой, Эд» – и тоже перешагивает через борт и тонет.

– А за бортом кишат акулы.

– И сайды. А вот тебе еще один пример коллективной галлюцинации, Рути. В спасательной шлюпке всего двое. Но когда их спасают, они готовы голову дать на отсечение, что с ними все время был кто-то третий. Оба спрашивают: «Где мой друг?» Спасатели тому и другому отвечают: «Твой друг лежит на кровати рядом с тобой. С ним все в порядке». Но каждый из этих двоих твердит: «Нет! Где мой другой товарищ? Где он?» Но никакого другого товарища не было. Оба не желают в это верить. Они потом всю жизнь гадают, куда подевался их третий друг.

Рут Томас протянула Сенатору половинку сэндвича, и он ее мгновенно сжевал.

– Ну, а в Арктике, ясное дело, люди погибают от холода, – продолжал он.

– Конечно.

– Они засыпают. Люди, которые засыпают в спасательных шлюпках, не просыпаются никогда.

– Ну, это понятно.

В другие дни они говорили о составлении карт. Сенатор был большим фанатом Птолемея. Он так расхваливал Птолемея, будто тот был его сыном-вундеркиндом.

– Никто не изменял карт Птолемея до тысяча пятьсот одиннадцатого года! – гордо восклицал Сенатор. – Ты только подумай, какая уйма времени. Рут. Тринадцать сотен лет он считался высшим авторитетом. Совсем неплохо, Рут. Совсем даже неплохо.

Еще одной излюбленной темой Сенатора было крушение кораблей под названиями «Виктория» и «Кемпердаун». Об этих кораблях он заводил речь время от времени, и, как правило, ни с того ни с сего. Как-то раз, субботним вечером в середине июня, Рут рассказывала Сенатору, какой отвратительной была выпускная церемония в ее школе, а он сказал:

– Ты вспомни о крушении «Виктории» и «Кемпердауна», Рути!

– Ладно, – дружелюбно кивнула Рут. – Если вам так хочется.

Рут Томас прекрасно помнила о крушении «Виктории» и «Кемпердауна», потому что об этом Сенатор ей рассказывал еще тогда, когда она пешком под стол ходила. Эта катастрофа вызывала у Сенатора еще большее огорчение, нежели крушение «Титаника».

«Виктория» и «Кемпердаун» были флагманскими кораблями могущественного британского флота. В тысяча восемьсот девяносто третьем году они столкнулись друг с другом среди бела дня в штиль – из-за того, что командующий эскадрой отдал дурацкий приказ во время маневров. Это кораблекрушение так сильно огорчало Сенатора из-за того, что оно произошло в такой день, когда ни один корабль не должен был затонуть, а еще из-за того, что на обоих кораблях матросы были самые что ни на есть лучшие в мире. И сами корабли были лучшими в мире, и офицеры были самыми опытными во всем британском флоте, и, тем не менее, корабли затонули. «Виктория» и «Кемпердаун» столкнулись потому, что прекрасные офицеры, полностью осознавая, что полученный ими приказ совершенно идиотский, исполнили его, повинувшись

чувству долга, и погибли из-за этого. Катастрофа «Виктории» и «Кемпердауна» показала, что на море может случиться что угодно. Каким бы спокойным ни было море, какой бы опытной ни была команда, все равно человеку, находящемуся на корабле, грозила опасность.

На протяжении нескольких часов после столкновения «Виктории» и «Кемпердауна», как рассказывал Рут Сенатор, море кишело тонущими людьми. Винты погружающихся в воду кораблей перемалывали моряков. «Винты рубили их на куски», – всегда подчеркивал Сенатор.

– Винты рубили их на куски, Рути, – сказал он и на этот раз.

Рут не могла понять, каким образом эта жуткая история связана с ее рассказом о выпускной церемонии, но не стала спорить.

– Знаю, Сенатор, – кивнула она, – знаю.

На следующей неделе, сидя на берегу Портер-Бича, Рут и Сенатор снова повели разговор о кораблекрушениях.

– Ну а взять, к примеру, «Маргарет Б. Роусс»? – спросила Рут после довольно долгого молчания Сенатора. – Это кораблекрушение закончилось не так плохо для всех.

Название корабля Рут произнесла очень осторожно. Порой упоминание о «Маргарет Б. Роусс» успокаивало Сенатора, а порой возбуждало.

– Господи Иисусе, Рути! – взорвался он. – Господи Иисусе! – В общем, возбудился. – «Маргарет Б. Роусс» была нагружена древесиной, она могла тонуть долго! Ты же знаешь об этом, Рути. Господи Иисусе! Ты же знаешь, что это было исключение. Ты же знаешь, что чаще всего кораблекрушения добром не кончаются. И я тебе вот что еще скажу: не так уж приятно, когда в корабль попадает торпеда, чем бы он ни был нагружен и чтобы ни случилось с командой этой проклятой богом «Маргарет Б. Роусс».

– А что случилось с командой, Сенатор?

– Ты прекрасно знаешь, что случилось с командой «Маргарет Б. Роусс».

– Они шли на веслах сорок пять миль...

– ...сорок пять миль.

– Они шли на веслах сорок пять миль до Монте-Карло, а там они подружились с князем Монако. И с тех пор жили в роскоши. Это счастливая история про кораблекрушение, правда?

– Про необычайно легкое кораблекрушение, Рути.

– Ну да.

– Исключение.

– Всякий раз, когда тонет любая лодка, мой отец говорит, что это исключение.

– Вот умник-то. А ты не умница? Ты думаешь, если с «Маргарет Б. Роусс» все так обошлось, тебе безопасно всю жизнь трудиться на море, на борту чьей-нибудь омаровой лодки, да?

– Я не собираюсь всю жизнь провести на море, Сенатор. Я только сказала, что, может быть, подыщу себе работу на море на три месяца. И большую часть времени я не буду уплывать дальше, чем на две мили от берега. Я просто сказала, что хочу найти себе работу на лето.

– Ты же знаешь, как опасно выходить на лодке в открытое море, Рут. Там очень опасно. Большинству людей не под силу пройти на веслах сорок пять миль до Монте-Карло.

– Жаль, что я об этом заговорила.

– В большинстве случаев за такое время ты просто погибаешь от упадка сил. Случилось одно кораблекрушение в Арктике, в районе полярного круга. Люди провели в спасательных шлюпках трое суток, по колени в ледяной воде.

– Что за корабль потерпел крушение?

– Не помню названия.

– Правда?

Рут не могла припомнить ни одного кораблекрушения, когда бы Сенатор не знал названия корабля.

– Название не имеет значения. Через какое-то время моряки высадились на каком-то из исландских островов. Все они были обморожены. Эскимосы пытались спасти их замерзшие руки и ноги. Знаешь, что делали эскимосы, Рути? Они изо всех сил растирали ноги и руки этих моряков тюленьим жиром. Изо всех сил. Люди кричали и умоляли эскимосов перестать. Но те упорно растирали их руки и ноги тюленьим жиром. Не могу вспомнить название корабля. Но тебе стоит вспомнить об этой истории, когда ты садишься в лодку.

– Я не собираюсь плыть в Исландию.

– Некоторые из этих людей на исландском острове лишились чувств от боли, вызванной растиранием, и умерли там.

– Я же не говорю, что кораблекрушения – это хорошо, Сенатор.

– Каждому из этих людей потом потребовалась ампутация.

– Сенатор?

– По колено, Рути.

– Сенатор? – повторила Рут.

– А другие умерли от боли при растирании.

– Сенатор, пожалуйста.

– Выжившим морякам пришлось прожить в Арктике до следующего лета, и питались они одной только ворванью, Рут.

– Пожалуйста, – взмолилась Рут.

Пожалуйста, *пожалуйста*. Она так умоляла Сенатора умолкнуть, потому что перед ними стоял Вебстер. Он был в грязи до тоненькой талии. Колечки густых волос взмокли от пота и прилипли ко лбу, и все его лицо было перемазано илом. А на его протянутых руках лежал слоновый бивень.

– Ох, Сенатор... – вымолвила Рут. – О боже!

Вебстер положил бивень на песок у ног Сенатора, как кто-нибудь возложил бы дар к ногам правителя. Сенатор лишился дара речи. Все трое – старик, девушка и худенький чумазный юноша – смотрели на слоновый бивень. Они не шевелились. Только Куки лениво поднялась и побрела к странному предмету, подозрительно приносясь.

Наконец Вебстер виновато и растерянно проговорил:

– Наверно, это был не очень большой слон.

Действительно, бивень был маленький. Очень маленький для слона, который за сто тридцать восемь лет, пока рассказ передавали из уст в уста, вырос до мифических размеров. Бивень был самую чуточку длиннее руки Вебстера от локтя до кончиков пальцев. Бивень был тонкий, с небольшим изгибом. С одного конца он был тупой и гладкий, как большой палец. С другого конца, в том месте, где он откололся от скелета, – шершавый и неровный. Слоновую кость покрывали глубокие черные царапины.

– Просто совсем маленький был слон, – повторил Вебстер, потому что Сенатор продолжал молчать. Голос Вебстера прозвучал почти отчаянно. – А мы-то думали, бивень будет побольше, да?

Сенатор встал – медленно и скованно, словно все сто тридцать восемь лет просидел на берегу в ожидании бивня. Он еще немного посмотрел на бивень, а потом обнял Вебстера одной рукой.

– Отличная работа, сынок, – сказал он.

Вебстер устало опустил на колени, а Сенатор сел рядом с ним и положил руку ему на плечо.

– Ты разочарован, Вебстер? – спросил он. – Ты думал, что я буду разочарован? Это очень красивый бивень.

Вебстер пожал плечами. Лицо у него было расстроенное. Налетел порыв ветра, и Вебстер поежился.

– Наверное, не очень большой был слон, – повторил он.

Рут сказала:

– Вебстер, это просто потрясающий бивень. Ты здорово потрудился, Вебстер. Ты просто замечательно потрудился. Ты молодчина.

Тут Вебстер два раза громко всхлипнул.

– О, ну перестань, не надо, мой мальчик, – сказал Сенатор дрогнувшим голосом.

Вебстер расплакался. Рут отвернулась. Нет, она не могла слушать, как он рыдает, поэтому встала и пошла прочь от камней к елям, растущим вдоль берега. Вебстер и Сенатор остались на берегу одни, а она долго ходила между деревьями, подбирала сухие сучки и ломала их. Ее кусали комары, но она не обращала на это внимания. Она не могла наблюдать за тем, как люди плачут. Время от времени она смотрела в сторону берега и видела, что Вебстер все еще рыдает, а Сенатор его утешает. Ей не хотелось в этом участвовать.

Рут села на замшелую поваленную ель спиной к берегу. Она приподняла плоский камень, и из-под него выскочила саламандра. От испуга Рут вздрогнула. «Может, я стану ветеринаром», – подумала Рут рассеянно. Недавно она прочла книжку, которую ей дал Сенатор. Книжка была про разведение охотничьих собак и очень понравилась Рут. Книга, изданная в тысяча восемьсот семидесятом году, была написана прекрасным языком. Рут едва не расплакалась, читая описание лучшего чезапикского лабрадора, которого только видел в своей жизни автор. Этот пес побежал за подстреленной чайкой, прыгая по тонкому прибрежному льду, а потом еще и уплыл далеко от берега – так далеко, что скрылся из виду. Этого пса звали Багл. Он вернулся на берег, замерзший до полусмерти, но чайку держал так бережно, что на ней не осталось ни единой отметины от его зубов.

Рут украдкой оглянулась на Сенатора и Вебстера, который, похоже, перестал плакать. Рут встала и пошла к берегу. Вебстер сидел у кромки воды и невесело смотрел на море. Сенатор взял бивень и отмывал его в лужице с теплой водой. Рут подошла к Сенатору. Он выпрямился и протянул ей бивень. Рут вытерла бивень о рубашку. Он был легким, как кость, и желтым, как стариковские зубы. Изнутри он был наполнен илом. А еще он был теплый. А она даже не видела, как Вебстер нашел этот бивень! Столько часов она просидела на берегу, наблюдая за Вебстером, роющим в грязи, и не заметила того момента, когда он нашел бивень!

– Вы тоже не видели, как он его нашел, – сказала она Сенатору. Тот покачал головой. Рут взвесила бивень в руках. – Даже не верится.

– Честно говоря, я не думал, что мы его вправду найдем, Рут, – отчаянным шепотом признался Сенатор. – Что же мне теперь с ним делать? Ты посмотри на него, Рут.

Рут посмотрела. Вебстер дрожал, как старый мотор, работающий на холостом ходу.

– Он расстроился? – спросила она.

– Конечно расстроился! Ведь он был участником моего проекта целый год! Даже не знаю, – в страхе прошептал Сенатор, – чем же мне теперь занять парня!

Вебстер Поммерой встал и подошел к Рут и Сенатору. Сенатор выпрямился в полный рост и широко улыбнулся.

– Вы его отмыли? – спросил Вебстер. – Он стал к-к-к-расивее?

Сенатор повернулся и крепко обнял худенького Вебстера Поммероя.

– Он просто великолепен! – воскликнул он. – Он роскошен! Я так горжусь тобой, сынок! Я так тобой горжусь!

Вебстер снова расплакался. Рут непроизвольно зажмурилась.

– Знаешь, что я думаю, Вебстер? – услышала она голос Сенатора. – Я думаю, что это просто грандиозная находка. Я правда так думаю. И я думаю, нам стоит отвезти этот бивень мистеру Эллису.

Рут испуганно открыла глаза.

– А знаешь, что сделает мистер Эллис, как только увидит этот бивень? – спросил Сенатор, обнимая большущей ручищей хрупкие плечики Вебстера. – Знаешь, Вебстер?

Вебстер не знал. Он беспомощно пожал плечами. Сенатор сказал:

– Мистер Эллис усмехнется. Правду я говорю, Рути? Здорово, правда? Ты не думаешь, что мистер Эллис будет просто в восторге от этого бивня?

Рут промолчала.

– Ты так не думаешь? Нет?

3

*Омар, когда его поймают, Ведет себя как эгоист. Он возмущением
пылает, Он мало что соображает И часто на клею нечист.
«Врач и поэт», Дж. Г. Стивенсон (1718–1785)*

Мистер Лэнфорд Эллис жил в Эллис-Хаусе, построенном в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. Этот дом был самым красивым зданием на острове Форт-Найлз, да и на Корн-Хейвене таких красивых домов не было. Он был выстроен из черного гранита (того, который шел на изготовление могильных плит), в стиле престижного банка или вокзала, вот только пропорции были, конечно, скромнее. Были в этом доме и колонны, и арки, и глубокие оконные проемы, и прихожая со сверкающим полом, размером с римские бани. Все звуки в этой прихожей разносились гулким эхом. Эллис-Хаус стоял на самой высокой точке острова, но на значительном удалении от гавани. Он стоял в самом конце Эллис-Роуд. Вернее говоря, Эллис-Хаус как бы останавливал Эллис-Роуд на бегу, словно этот дом был здоровяком-полисменом со свистком и властно вытянутой рукой.

Что касается Эллис-Роуд, то эта дорога была проложена в тысяча восемьсот восьмидесятом году. Эта старая дорога некогда соединяла между собой три гранитные каменоломни, принадлежавшие компании «Эллис-гранит» на острове Форт-Найлз. В свое время на Эллис-Роуд имело место оживленное движение, но к тому времени, когда Вебстер Поммерой, Сенатор Адамс и Рут Томас шли по этой дороге к Эллис-Хаусу (то есть июньским утром тысяча девятьсот семьдесят шестого года), Эллис-Роуд успела прийти в запустение.

Вдоль тупикового участка Эллис-Роуд тянулась железнодорожная колея Эллис-Рейл, имевшая длину около двух миль. Ее проложили в тысяча восемьсот восемьдесят втором году для перевозки тонн гранитных блоков к паровым шлюпам, стоявшим на якоре в гавани. Эти тяжелые пароходы уходили в Нью-Йорк, Филадельфию и Вашингтон и курсировали по этим маршрутам год за годом. Медленным строем они плыли к городам, где всегда была необходима брусчатка с острова Корн-Хейвен и более высококачественный гранит с острова Форт-Найлз. Десятки лет эти шлюпы увозили с островов их гранитную начинку, а несколько недель спустя возвращались, нагруженные углем, необходимым для того, чтобы топить машины, которые работали в каменоломнях, зарываясь все глубже и глубже в нутро обоих островов.

По обе стороны от старинной Эллис-Рейл лежала оранжево-ржавая россыпь орудий труда и частей машин, когда-то применявшихся в каменоломнях компании «Эллис-гранит» – слесарные молотки, зубила, клинья и прочие инструменты, предназначение которых теперь распознать не мог никто, даже Сенатор Саймон. Неподалеку в лесу ржавел большущий токарный станок некогда великой компании «Эллис-гранит», и станку этому (размером – больше локомотива) не суждено было снова заработать. Он стоял ржавый и унылый во мху, оплетенный стеблями ползучих растений. Впечатление было такое, будто его тут поставили в наказание. Сто сорок тонн остановившихся точнейших механизмов соединила между собой мертвой хваткой ржавчина. По траве вокруг станка расплзались, словно удавы, ржавые тросы.

Они шли – Вебстер Поммерой, Сенатор Адамс и Рут Томас шли по Эллис-Роуд, рядом с Эллис-Рейл к Эллис-Хаусу и несли слоновый бивень. Они не улыбались, не смеялись. Все они посещали Эллис-Хаус крайне редко.

– Не знаю, зачем мы туда тащимся, – проворчала Рут. – Его и дома-то не будет. Наверняка он до сих пор в Нью-Гемпшире. Не приедет до будущей субботы.

– В этом году он приехал на остров рано, – заметил Сенатор.

– О чем вы говорите?

– В этом году мистер Эллис приехал восемнадцатого апреля.

- Шутите.
- Не шучу.
- Он был здесь? Он все время здесь был? С тех пор, как я вернулась после школы?
- Именно так.
- Мне никто не говорил.
- А ты кого-нибудь спрашивала? Не стоит так удивляться. Теперь в Эллис-Хаусе все не так, как в прежние времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.